

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ

1884

ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ВЪ ГОСТЯХЪ У ЭМИРА БУХАРСКАГО. (Путевой дневникъ.) Гл. I—II. В. В. Крестовскаго.
- II. БЛУДНЫЙ БРАТЪ. Повѣсть. Гл. VII—XII. К. Орловскаго.
- III. РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Гл. IX. Е. К. С.
- IV. РАЗКАЗЫ ИЗЪ ПРОСТОНАРОДНАГО БЫТА. III. „Бабка“ Федосья Илькишна. IV. Зима-жеребець. Р. Л. Маркова.
- V. ВИДѢНІЕ ОСМАНА. Стихотвореніе. Я. П. Полонскаго.
- VI. ЗАПИСКИ Ѳ. П. ЛЕОНТЬЕВОЙ. (1811, 1812 и 1813 годы.) (Продолженіе.)
- VII. РЖАНОЙ ЧЕРВЬ И МЪРЫ ДЛЯ ЕГО УНИЧТОЖЕНІЯ. К. Э. Линдемана.
- VIII. ДОЧЬ АЛАЯРЪ-ХАНА. Разказъ о трехъ различныхъ воспитаніяхъ. Часть первая. Гл. I—VII. Н. А. Крыжановскаго.
- IX. ДЕКАБРИСТЫ. Д. И. Завалишина.
- X. ПЕРЕДЪ СМЕРТЬЮ. Повѣсть въ формѣ дневника. * * *
- XI. БИБЛОГРАФІЯ. I. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяць.—II. Све досаданье беседе Dr. Мих. Полита-Десанчича са повѣстничкимъ уртама из српске политичне борбе од год. 1861—1883. Нови Сад. 1883. (Всѣ до сихъ поръ произнесенныя рѣчи Dr. М. Полита-Десанчича съ историческимъ очеркомъ сербской политической борьбы 1861—1883 года.) П. К.
- XII. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Мервъ.—Юбилей высокопреосвященнаго Антонія (Зубко).—Судебные куріозы.—Опять американскіе элеваторы.—Русскіе Галичане и „польская справа“.—Перемѣщеніе князя Орлова въ Берлинъ и международное положеніе Россіи.—Константинопольская патриархія и Турецкое правительство.—Дѣла сербскія.—Вѣнскіе социалисты.

ДОЧЬ АЛАЯРЪ-ХАНА

РАЗКАЗЪ О ТРЕХЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ВОСПИТАНІЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Дворецъ бека начальствовавшего въ бухарской крѣлости *Дэсузакъ* не отличался ни архитектурными особенностями, ни обширностью. Онъ состоялъ изъ трехъ дворовъ окруженных низкими изъ глины сложенными домиками, съ плоскими глиняными же крышами.

Три эти двора наполняли все внутреннее пространство *урги* или цитадели, обнесенной высокою глиняною стѣной, съ частыми на верху зубцами. Предъ стѣной былъ довольно широкій, сухой ровъ. Въ стѣнѣ имѣлись одни только ворота и предъ ними деревянный мостъ черезъ ровъ.

Цитадель съ дворцомъ бека стояла на верху значительной естественной возвышенности, такъ что съ плоскихъ крышъ дворцовыхъ зданій можно было видѣть à vol d'oiseau не только маленькій городъ окружающій цитадель, но и крѣпостныя стѣны окружающія самый городъ. За стѣнами города тянулась эспланада, шириной отъ восьмидесяти до ста сажень, а далѣе шла на большое пространство такъ-называемые сады, то-есть собственно говоря предмѣстья города, утопающія въ роскошной южной растительности. За предмѣстьями города разстилалась безконечная желтая, погорѣвшая

отъ жгучихъ солнечныхъ лучей степь, окружающая Джузакъ съ трехъ сторонъ, и сѣвжнй хребетъ Тянь-Шань, замыкающій всю картину съ четвертой стороны. Джузакъ расположенъ у самой подошвы хребта.

Только одинъ изъ трехъ дворовъ составлявшихъ дворецъ бека, а именно ближайшій къ воротамъ цитадели, наломаналъ зданіями его окружающими жилище достаточнаго и знатнаго мусульманина.

Дворъ этотъ, выложенный плоскими камнями, окруженъ былъ не отдѣльными *саклями* (небольшими мазанками) соединенными заборомъ изъ глины, какъ два другіе двора, а сплошною одноэтажною постройкой, состоящею изъ ряда отдѣльныхъ комнатъ различной величины. Комнаты эти не имѣли съ наружной стороны ни оконъ, ни дверей. Тѣ и другія выходили, къ сторонѣ двора, на общую для всего зданія открытую галлерею или террасу. Крыша галлереи служила продолженіемъ общей плоской крыши всего дома и подлиралась рядомъ тонкихъ деревянныхъ подпорокъ.

На этомъ дворѣ жилъ комендантъ Джузакъ, онъ же начальникъ Джузакскаго округа. Другіе два двора были заняты канцеляріей начальника, небольшимъ арсеналомъ, прислугой и лошадьми.

У воротъ, въ толщѣ землянаго бруствера оборонительной стѣны, были сдѣланы двѣ большія ниши. Одна съ лѣвой стороны воротъ для караула, другая съ правой — для арестантовъ. Собственно въ нишѣ арестантовъ не держали, они пребывали въ такъ-называемомъ *клоповникѣ*. Для образованія тюрьмы такого пріятнаго наименованія вырыта была въ землѣ подъ нишей глубокая яма въ видѣ конуса или сахарной головы обращенной широкимъ основаніемъ внизъ, а остреемъ вверхъ. На полу ниши, значитъ на верху клоповника, было пробито отверстіе такихъ размѣровъ чтобы въ него могло безъ затрудненія пройти человѣческое тѣло.

Въ одной изъ комнатъ этого дворца утромъ одного изъ первыхъ дней октября 1866 года собрались четыре человѣка. Они сѣдали кружкомъ, на коврѣ постланномъ въ углу комнаты. Предъ каждымъ стояла на коврѣ большая чашка чаю безъ блюдечка и нѣсколько мелко нарубленныхъ кусочковъ сахару. Чай они пили въ прикуску.

Сливой къ углу комнаты сѣдѣлъ на подушкѣ любимецъ эмира Бухарскаго, Алаяръ-ханъ, носившій громкій и грозный

въ Бухарѣ титулъ *токсаба-перваначи* и присланный своимъ владыкой въ Джузакъ полгода тому назадъ съ особымъ важнымъ порученіемъ.

Титулъ *токсаба-перваначи* нельзя приравнять ни къ какому извѣстному въ Европѣ званію и ни къ какой должности; онъ означаетъ въ одно и то же время и министра, и чиновника облеченнаго особымъ довѣріемъ, и нѣчто въ родѣ главнаго казначея. Французскій король Лудовикъ XIII имѣлъ въ лицѣ кардинала Ришелье своего токсаба-перваначи.

Согнувъ туловище впередъ и сложивъ руки вмѣстѣ между колѣнами поджатыхъ по восточному ногъ, Алаяръ-ханъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ разказъ сидящаго по лѣвую его сторону старика. Все время онъ оставался въ совершенной неподвижности, вперивъ въ узоръ ковра задумчивые черные глаза.

Говорившій старикъ, въ бѣлой чалмѣ и пестромъ халатѣ надѣтомъ на раслашку, безъ кусака, поверхъ сѣраго шелковаго архадука, былъ бѣжавшій за три дня предъ тѣмъ изъ крѣпости Ура-Тюбе комендантъ ея, Садыкъ.

Крѣпость его только-что взяли штурмомъ русскія войска. Третій собесѣдникъ былъ Якубъ-бекъ, комендантъ Джузака, человекъ лѣтъ пятидесяти, очень полный, съ краснымъ лицомъ, съ узкими, хитрыми сѣро-зелеными, постоянно бѣгающими глазами. На немъ былъ алаго сукна халатъ, обшитый по краямъ и подолу золотымъ широкимъ лозументомъ въ два ряда, одинъ изъ тѣхъ халатовъ какими даритъ эмиръ своихъ приближенныхъ, въ знакъ особаго къ нимъ благоволенія. Бритая голова украшалась чалмой изъ желтой шали съ голубою каймой.

Онъ слушалъ разказъ Садыка довольно разсѣянно и равнодушно, безпрестанно прихлебывая чай изъ стоявшей предъ нимъ чашки, иногда улыбался злостно и насмѣшливо, и часто взглядывалъ на Алаяра, какъ-то подозрительно слѣдя за впечатлѣніемъ которое производилъ на него разказъ Садыка.

Якубъ-бекъ былъ вѣрный рабъ Бухарскаго эмира Сеидъ-Музаффаръ-хана, деспотъ, грабитель и самодуръ.

Онъ, его двѣ жены, дѣти и нѣсколько невольницъ занимали большую часть комнатъ перваго двора.

Остальныя комнаты были отданы въ распоряженіе Алаяръ-хана, его молодой жены и пятилѣтней дочери.

Причина присылки Алаяра въ Джузакъ была крайне неприятна Якубъ-беку. Дѣло было такъ.

Зимой съ 1865 на 1866 годъ подходилъ къ Джузаку отрядъ русскихъ войскъ, простоялъ нѣсколько дней подъ стѣнами города или, вѣрнѣе, предъ его предмѣстьями и удался не достигнувъ цѣли, собственно потому что время года не благоприятствовало военнымъ дѣйствіямъ и войску недоставало ни провіанта, ни фуража, ни перевозочныхъ средствъ.

Обрадованный неожиданнымъ отступленіемъ русскихъ войскъ, Якубъ-бекъ не преминулъ донести повелителю своему о блистательномъ отраженіи непріятеля, но пересолнилъ въ своемъ донесеніи, нагаль и нахвасталъ чрезъ край, такъ что эмиръ не повѣрилъ ему, и оцѣнивая по достоинству важное стратегическое значеніе Джузакской крѣпости, послалъ Алаяра для изслѣдованія истинной причины отступленія русскихъ войскъ и для принятія на мѣстѣ самыхъ энергическихъ мѣръ къ защитѣ крѣпости.

Эмиръ зналъ что *Урус* упрямъ въ своихъ начинаніяхъ и что рано или поздно возвратится къ Джузаку и захочетъ взятіемъ крѣпости изгладить невыгодное для Русскихъ впечатлѣніе неудачи.

Между Садыкомъ и Якубъ-бекомъ сидѣлъ или, вѣрнѣе, полудежалъ красивый мущина высокаго роста, съ совершенно смуглымъ лицомъ и черными, длинными волосами, Афганецъ Нуралинь. Онъ служилъ прежде артиллерійскимъ офицеромъ въ ангайскихъ войскахъ Индіи и прибылъ въ Джузакъ вмѣстѣ съ Алаяромъ.

Нуралинь служилъ совершенно неопытному въ военномъ искусствѣ Алаяру главнымъ помощникомъ по части приведенія крѣпости въ лучшее оборонительное положеніе и занималъ тутъ же во дворцѣ одну изъ комнатъ перваго двора. На Афганцѣ былъ военного покроя камзолъ изъ свѣтло-коричневаго сукна со стоячимъ воротникомъ и со множествомъ небольшихъ бронзовыхъ пуговицъ, на которыхъ такъ и бросалась въ глаза рельефно выдѣланная латинская буква V (*Victoria*). Кожанья желтая его шаровары, съ узорами вышитыми краснымъ и синимъ шелками, были широки до невѣроятной степени. Черные, густые волосы, отчасти только покрытые чалмой изъ тончайшей бѣлоснѣжной ткани, красиво обрамляли его смуглое лицо и, вмѣстѣ съ черными огненными глазами, нѣсколько приподнятыми у наружныхъ

угловъ, придавали ему видъ рѣшительнаго, смѣлаго и страстнаго чловѣка.

Повидимому, ему неловко было сидѣть съ поджатыми подъ себя ногами, онъ непрерывно перемѣнялъ положеніе, пробовалъ подкладывать подушку то подъ одну, то подъ другую руку, то поджималъ подъ себя ноги, то вытягивалъ ихъ, но никакъ не могъ найти для своей массивной, атлетической фигуры удобнаго положенія. Не взирая однако на постоянное передвиженіе онъ не только слѣдилъ за разказомъ Садыка, но одинъ изъ всѣхъ прерывалъ его разспросами и требованіемъ дополненій и разъясненій.

Рѣзко отличался Алаяръ отъ трехъ собесѣдниковъ своихъ.

Мущина лѣтъ сорока, небольшого роста, съ блѣднымъ, матовымъ цвѣтомъ кожи, онъ въ молодости вѣроятно былъ если не писаннымъ красавцемъ, какъ сидѣвшій предъ нимъ Афганецъ, то все же очень красивымъ. Тучность, слѣдствіе счастливой жизни добраго семьянина, начинала уже излишне округлять его формы.

Онъ былъ въ черномъ шелковомъ архалукѣ, плотно облегавшемъ его уже довольно тучное тѣло. Суконные, свѣтлосиніе панталоны были по низу оторочены узкимъ серебрянымъ галуномъ; такой же галунъ нашитъ былъ въ видѣ лампасъ вдоль панталонъ и имъ же были обшиты всѣ края архалука. Серебряный неширокій поясъ, на которомъ висѣлъ на серебряной цѣпи кинжалъ въ бархатныхъ лунцовыхъ ножнахъ, стягивалъ его станъ. На груди изъ наружнаго небольшого кармана висала толстая золотая цѣлочка отъ часовъ. На пальцахъ рукъ играли брилліантами нѣсколько перстней и колець. Бархатная синяя тюбетейка, шитая серебромъ, отчасти покрывала его черные, съ едва замѣтною просѣдью, коротко остриженные волосы.

Возлѣ него, на коврѣ, лежалъ серебряный толпорицъ украшенный бирюзой, знакъ его высокаго положенія при эмирѣ.

Никто при дворѣ эмира въ точности не зналъ ни происхожденія, ни біографіи Алаяра. Во всѣхъ владѣніяхъ Сеидъ-Музаффаръ-хана никто и не слыхивалъ о какихъ бы то ни было родственникахъ его. Онъ былъ пришелецъ и, какъ разказывали на базарахъ Бухары, родомъ Персіянинъ, что впрочемъ и подтверждалось чертами лица его, изобличавшими чистокровнаго Иранца.

Сынъ довольно богатаго тегеранскаго купца, бывавшаго не разъ въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ по торговымъ дѣламъ, Алаяръ еще въ молодости, еще въ Тегеранѣ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Европейцами, пребывавшими въ Персіи и при дворѣ шаха, посѣтилъ два раза вмѣстѣ съ отцомъ Россію, съѣздилъ даже въ Лейпцигъ, Вѣну и Лондонъ, научился говорить по-русски и по-англійски. Потерявъ отца онъ продолжалъ его торговлю, велъ ее честно и умно, пользовался большимъ кредитомъ въ Тегеранѣ, съ каждымъ годомъ расширялъ свои сношенія съ европейскими торговыми домами и видимо богатѣлъ. Встрѣчаясь постоянно съ людьми цивилизованными и будучи вынужденъ денежнымъ интересомъ заискивать ихъ расположеніе, онъ невольно и незамѣтно для себя самого принималъ ихъ образъ мыслей и подражалъ имъ въ обращеніи. Постепенно стиралась съ него кора азіятской дикости; онъ понималъ что кромѣ толкованій Корана есть еще цѣлый міръ познаній и мыслей, что кромѣ жизни животной есть другая жизнь—духовная.

Коммерція и сношенія съ Европой образовали его умъ и воспитали его сердце.

Въ одно изъ путешествій ему удалось устроить значительное торговое дѣло, въ которомъ шахъ имѣлъ личный интересъ. Разчитывая воспользоваться знаніемъ англійскаго языка и такъ-сказать европеизмомъ Алаяра, шахъ причислилъ его къ посольству отправленному по какому-то особому случаю отъ Тегеранскаго двора къ вице-королю Индіи. Болѣе года пробыло посольство въ Бомбеѣ; на обратномъ пути въ Персію оно остановилось на нѣкоторое время въ Раджпутанѣ, при дворѣ магараджи Альвара.

Въ то время, вскорѣ послѣ возмущенія Сипаевъ подавленнаго съ такими жестокостями Англійскимъ правительствомъ въ 1858 году, почти всѣ независимые владѣтели Остъ-Индіи, сохранившіе еще свои владѣнія и право престолонаслѣдія, поставлены были подъ ближайшій и личный надзоръ англійскихъ резидентовъ; это были полномочные агенты, сперва вмѣшивавшіеся во всѣ дѣла управленія, а потомъ постепенно забравшіе въ свои руки финансы страны, а съ ними слѣдовательно и всѣ дѣла по внутренней администраціи края.

Персидское посольство прибыло ко двору магараджи Альвара тотчасъ по усмиреніи возмущенія, когда, съ одной стороны, владѣтели старались особенною уступчивостью изгла-

дить въ Англичанахъ память о возмущеніи въ которомъ почти всѣ прямо или косвенно участвовали, и когда, съ другой стороны, англійскіе резиденты ласковымъ обращеніемъ со владѣльцами старались пріобрѣсть ихъ расположеніе и отвлечь отъ партіи недовольныхъ.

Резидентомъ при магараджѣ Альвара былъ въ то время полковникъ Эдвардъ Гибсонъ.

Желая сблизиться со владѣтелемъ, онъ представилъ раджѣ Рамъ-Сингу свою жену, мистриссъ Эмилию Гибсонъ, двухъ дочерей и двадцатилѣтняго племянника Уильяма. Со своей стороны, Рамъ-Сингъ познакомилъ съ семействомъ резидента жену свою и пятнадцатилѣтнюю дочь, красавицу Анумати.

Племянникъ Гибсона, Уильямъ былъ третій сынъ лорда Портуэльса, старшаго брата полковника Эдварда Гибсона. Также какъ и дядя, молодой Уильямъ, будучи не первымъ, а третьимъ сыномъ лорда, обязанъ былъ самъ заботиться о своей карьерѣ и чтобы скорѣе достигнуть цѣли, послѣдовалъ примѣру и совѣту дяди: поступилъ съ денежною помощію отца въ военную службу и опредѣлился въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ Остѣ-Индіи.

На вечернихъ публичныхъ прогулкахъ и катаньяхъ къ которымъ такъ пристрастны въ городахъ Индіи какъ Англичане, такъ и туземцы, молодой Уильямъ встрѣчалъ красавицу Анумати и влюбился въ нее какъ могутъ влюбляться только въ Индіи.

Страсть молодого Уильяма къ Индіянкѣ до такой степени овладѣла всѣмъ существомъ его что дядя Гибсонъ и въ особенности супруга его искугались не на шутку. Тетка предложила отправить слишкомъ пылкаго племянника въ Бомбей или въ Калькутту на постоянную службу, но дядя Гибсонъ изъ расчетовъ семейныхъ и видовъ служебныхъ отвергъ предложеніе супруги, и въ видѣ уступки согласился только на временное откомандированіе его съ какимъ-либо порученіемъ къ одному изъ сосѣднихъ резидентовъ. Послѣ долгихъ и горячихъ преній приняты были, по взаимному соглашенію, должныя мѣры къ удаленію случаевъ свиданія и положены были главныя начала цѣлаго плана дѣйствій противъ Анумати.

Въ Индіи отецъ семейства считаетъ для себя постыднымъ если дочь его не вышла замужъ до шестнадцатилѣтняго возраста. Онъ самъ выбираетъ ей мужа, и въ большей части

случаевъ совершаетъ свадьбу лишь только невеста достигаетъ четырнадцати лѣтъ.

Въ числѣ представленныхъ ко двору былъ и Алаяръ, имѣвшій къ Гибсонамъ рекомендательное письмо изъ Бомбея отъ многоуважаемаго ихъ друга Dr. Спрингера. Въ первый разъ Алаяръ увидѣлъ Анумати на ежегодномъ праздникѣ, когда изъ дворца магараджи отвозили идола богини Дурги къ рѣкѣ и тамъ, при торжественныхъ кликахъ народа, бросали его въ воду, навѣсивъ на изображеніе богини браслеты, ожерелья, вѣнки и всякаго рода украшенія изъ драгоценныхъ металловъ и самоцвѣтныхъ камней, подносимые богинѣ богатыми ея поклонниками изъ народа. На другой день брамины вытаскивали идола изъ воды и, забравъ съ него въ пользу свою всѣ навѣшанныя набожными жертвователями драгоценности, возвращали изображеніе ограбленной богини, какъ вещь не цѣнную, ожидавшей ее рѣкѣ.

Все семейство Рамъ-Синга принимало участіе въ религиозной церемоніи и шествовало во главѣ торжественной процессіи. Анумати сидѣла съ матерью на слонѣ, богато убранномъ коврами, дорогими тканями, золотыми плетенками и кистями. Сидѣнье, называемое *жауда*, походившее на небольшую колясочку безъ рессоръ и колесъ, покрыто было кашемировыми шальями и притянуто къ спинѣ животнаго блестящими тесьмами. Двое слугъ, стоя на спинѣ слона позади *жауды*, держали надъ головами дамъ, для защиты ихъ отъ солнечныхъ лучей, огромнаго размѣра пальмовыя листья, которые они безостановочно то поднимали, то опускали какъ опахала.

На Анумати было бѣлое шелковое длинное платье съ широкими складками и узкимъ, вырѣзнымъ корсажемъ. Ея прекрасные, черные волосы стянуты были узломъ на затылкѣ и приколоты гребнемъ изъ слоновой кости. Изъ-подъ зубцовъ гребня ниспадали они волнистыми, черными какъ вороново крыло, прядями на шелковую малиновую куртку, спереди совершенно открытую и густо расшитую золотомъ. Куртка была съ узкими, короткими рукавами не доходившими далеко до локтей; на концахъ рукавовъ сверкали золотыя браслеты съ драгоценными камнями. Цѣлый рядъ такихъ же браслетовъ былъ наизнанъ на голыя руки. На пальцахъ рукъ блестѣли алмазы колець и въ ушахъ дорогія серьги. Поверхъ костюма, Анумати была обернута съ головой въ

тонкую, золотомъ шитую, прозрачную кисею, какую умѣютъ дѣлать только въ одномъ городѣ Дакка.

Впереди двухъ женщинъ сидѣлъ у самой головы слона нарядно одѣтый вожакъ его. Онъ держалъ въ рукѣ заостренную палочку изъ бронзы, которою по временамъ полагывалъ голову животного. Слонъ и группа людей, сидящихъ и стоящихъ на немъ, казались подвижнымъ золотымъ холмомъ и блестѣли на солнцѣ яркими цвѣтами.

Процессія медленно подвигалась по широкой аллеѣ придворнаго сада. Окаймленная съ обѣихъ сторонъ высокими тамариндовыми, кокосовыми и пальмовыми деревьями, широкая аллея, на половину затѣненная деревьями, была обильно полита водой для уничтоженія пыли. Жаркая атмосфера, освѣжительная сырость выходящая незримиыми ларами, насыщенными запахомъ земли изъ сильно смоченной дороги, аромать сочной тропической растительности, скопленіе массы людей и животныхъ, шумъ ликующаго народа и видъ необыкновенной роскоши съ которою были убраны участвовавшіе въ процессіи слоны и повозки, запряженные горбатыми быками, а также и ѣдущіе на лошадяхъ и идущіе люди производили какое-то ольняющее дѣйствіе, туманили голову.

Мистриссъ Гибсонъ въ коляскѣ, съ упряжью à la Daumont, съ двумя дочерьми, шагомъ подвигалась вдоль аллеи. Рядомъ съ ея экипажемъ ѣхали верхомъ мистеръ Эдвардъ Гибсонъ, Алаяръ и нѣсколько Европейцевъ.

Племянникъ на праздникъ не присутствовалъ; за нѣсколько дней предъ тѣмъ онъ былъ усланъ въ Коттахъ, согласно договору заключенному между супругами.

Коляска супруги резидента, предъ которою четверо верховыхъ силаевъ разгоняли толпившійся народъ, подвигалась впередъ быстрѣе церемоніальнаго шествія, такъ что она скоро догнала и поравнялась со словомъ на которомъ ѣхали жена и дочь магараджи.

Какъ только глазамъ Алаяра представилась очаровательная Индіянка, онъ до такой степени пораженъ былъ ея красотой, достоинствомъ съ которымъ она поклонилась мистриссъ Эмилиі и дочерямъ ея, неподражаемою граціей ея позы и движеній и всею блистательною обстановкой окружающею это поэтическое явленіе, что невольно ни къ кому не обращаясь и не сводя глазъ съ Анумати, онъ громко воскликнулъ по-англійски:

— Вотъ гдѣ настоящая богиня!

— Что вы дѣлаете? процѣдилъ сквозь зубы резидентъ,—замолчите ради Бога, она говоритъ по-англійски.

— Тѣмъ лучше, отвѣтилъ совершенно забывшійся и увлеченный Алаяръ.—Пускай она, прибавилъ онъ громко, выражаясь напыщеннымъ слогомъ жителей Востока,—пускай она пойметъ что я считаю ее богиней и что за одинъ ласковый взглядъ ея готовъ отдать всѣ богатства міра еслибъ я владѣлъ ими, и всѣ минуты жизни.

Мистриссъ Эмилиа посмотрѣла съ нѣкоторымъ удивленіемъ на говорившаго, потомъ на Анумати, и улыбнулась какъ-то двусмысленно. „Пусть попытается, можетъ и удастся“, подумала она; „все равно: онъ, или другой, лишь бы только не Уыльямъ.“

Должно-быть восторженныя слова Алаяра дошли сквозь тонкую даккскую кисею до маленькихъ ушей Анумати; потому что не требуя ни всѣхъ богатствъ міра, ни всѣхъ минутъ жизни, она тихо перевела глаза свои съ сидящихъ въ коляскѣ дамъ на ѣхавшаго рядомъ съ ними Алаяра.

Красивый арабскій конь, на которомъ ловко сидѣлъ молодой человѣкъ привлекательной наружности, костюмъ, блестявшій алмазами, наконецъ, и болѣе всего, упорно устремленный на нее взоръ Алаяра, выразившій безграничное восхищеніе ею, не могли остаться незамѣченными молодою Индіянкой. И ея душевное настроеніе въ эти минуты было восторженное, тѣмъ болѣе что къ чарамъ расточаемымъ природой присоединялись еще и вліяніе религіознаго торжества, и видъ танцующихъ и бѣснующихся вокругъ идола бадерокъ и факировъ, и возгласы ликующей толпы. Запертая всегда во внутреннихъ комнатахъ дворца, она въ первый еще разъ испытывала впечатлѣнія производимыя на душу человѣка гуломъ толпы, блескомъ и шумомъ народнаго торжества, близостью незнакомыхъ лицъ, и этимъ такъ глубоко проникшемъ въ ея сердце голосомъ красиваго незнакомца, съ восторженною похвалою отзывавшагося объ ея красотѣ.

Невольно отразились эти впечатлѣнія въ глазахъ ея, при встрѣчѣ ихъ съ глазами Алаяра. Обоиъ показалось что взглядъ этотъ не только смотритъ, но и говоритъ, выражаетъ какую-то затаенную мысль и проникаетъ до глубины души; что во всей этой многочисленной толпѣ, все время они искали только другъ друга—и наконецъ встрѣтились, и взглядъ этотъ

связалъ ихъ какъ-то интимно, тайно ото всѣхъ ихъ окружающихъ, изолировалъ ихъ отъ толпы и предалъ ихъ другъ другу.

Но долгій, многозначительный взглядъ этотъ не остался тайной между Алааромъ и Анумати.

— Чтò за пылкія у нихъ натуры! улыбнулась про себя мистриссъ Гибсонъ.—Я шесть лѣтъ была знакома съ Эдвардомъ прежде чѣмъ догадалась что могу полюбить его какъ мужа, а эти южныя натуры въ одну минуту, при первой же встрѣчѣ кипятъ какъ молоко въ кастрюлкѣ.

Прошло шесть недѣль со дня праздника. Персидское посольство давно уже оставило дворъ магараджи Альвара, но Алааръ съ посольствомъ не уѣхалъ, хотя и зналъ что этимъ возбуждаетъ сильный гнѣвъ шаха и дѣлаетъ невозможнымъ свое возвращеніе на родину. Онъ готовъ былъ пожертвовать не только родиной, но и жизнью чтобъ еще разъ увидѣть Анумати.

Молодой Уильямъ все еще не возвращался изъ Коттаха. Мистриссъ Эмилиа маневрировала съ искусствомъ необыкновеннымъ; изобрѣтала праздники, гулянья и пикники на которыхъ Алааръ постоянно встрѣчался съ Анумати; доставляла имъ случай перекинуться нѣсколькими словами; втерлась въ самыя интимныя отношенія съ Анумати и съ матерью ея, плавала въ интригахъ и хлопотахъ. Но когда, озабоченная тревожнымъ состояніемъ любимой дочери, мать Анумати рѣшилась переговорить съ Рамъ-Сингомъ, она потерпѣла полнѣйшее фіаско. Магараджа объявилъ что ему одному принадлежитъ право выбирать мужа для дочери, а не дочери и не матери ея; что дочь его рождена въ благородной кастѣ *кшатріевъ*, вышедшихъ изъ головы Брамъ, Алааръ же сынъ купца, а потому причисляется къ презрѣнной кастѣ *колмутисовъ*, вышедшихъ изъ живота Брамъ; наконецъ что Анумати слѣдуетъ ученію Брамъ, а Персъ Алааръ магометанинъ. Напрасно возражала жена Рамъ-Синга, наученная заранѣе мистриссъ Эмилией, что Алааръ хотя и сынъ купца, сдѣлался однако дипломатическимъ агентомъ, чуть не посланникомъ шаха Персидскаго, что слѣдовательно онъ принадлежитъ уже къ кастѣ вышедшей изъ шеи Брамъ,—ничто не помогло.

„Старый болванъ“, какъ величала его мистриссъ Эмилиа, забывая данное самой себѣ обѣщаніе быть воздержною въ выраженіяхъ, оставался при своемъ.

Грустила бѣдная Анумати. Лежа по вечерамъ въ гамакъ на верандѣ отцовскаго дворца и слушая съ закрытыми глазами пѣсню невольницъ о любви *Йорвана* и *Нурвади*, она рисовала въ воображеніи своемъ себя и обликъ Алаяра. Страстнымъ шепотомъ вторила она словамъ невольницъ и вмѣстѣ съ ними произносила, но тихо, едва шевеля своими пунцовыми губками, безсмертные стихи *Вишну-Сарма*:

Что это за шорохъ въ цвѣтахъ моей рощи, онъ такъ тихъ что отъ него голубь не проснулся въ своемъ гнѣздѣ. А, это голосъ моего возлюбленнаго; онъ зоветъ меня къ себѣ.

Я пойду и лягу рядомъ съ нимъ на постель его, покрытую цвѣтами, потому что уста мои жаждутъ его поцѣлуевъ, онъ первый спуститъ съ головы моей покрывало дѣвственницы и станъ мой изогнется подъ страстнымъ объятіемъ его сильной руки.

Люблю тебя, мой возлюбленный, и спѣшу къ тебѣ, какъ вѣрная голубка, которая спѣшитъ къ дереву носящему ея любовь и ея дѣвственней.

Скажите мнѣ вы, младыя дѣвственницы Пиндавера, и вы, жены Ваадагора, скажите мнѣ, знаете ли вы моего возлюбленнаго? Его станъ прямѣе пальмы, его взоръ ѣжикѣ взира газели, его губы горятъ когда прикасаются къ персямъ моимъ.

Какъ хорошъ онъ и какъ любовь его опьяняетъ меня.

Слова пламенной пѣсни дѣйствительно опьяняли молодую Индіянку какъ пріемъ гашша. Невольницы продолжали пѣть стихи *Вишну-Сарма*, а она лежала въ страстномъ забытьи, вся трепеща, закинувъ руки за голову и судорожно сжимая ими черныя, распущенныя косы. Когда дѣвушка впервые доходитъ до такого экстаза, ее ничто не удержитъ отъ послѣдняго шага. Конечно, Анумати знала что причины отказовъ приводимыя отцемъ совершенно справедливы и что изменить рѣшенія своего онъ не можетъ, но чувствовала также что не въ силахъ отказаться отъ счастья и потому рѣшилась пренебречь всеми семейными, кастовыми и даже религіозными узамъ и бѣжать съ Алаяркомъ. Никакія жертвы не удержали пламенной Индіянки.

Со своей стороны и Алаяръ пожертвовалъ ей многимъ. Въ Тегеранъ онъ возвратиться уже не могъ; оставаться въ Индіи было опасно: страшная кара браминовъ за похищеніе дѣвушки изъ касты кшатріевъ ожидала его, а потому они бѣжали въ Бухару.

Здѣсь умомъ и умѣньемъ вести себя съ должною осторожностью, а также подарками подносимыми эмиру, Алаярь сумѣлъ ему понравиться и въ нѣсколько лѣтъ достигъ завиднаго званія *токабы-перваначи*.

II.

Послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Бухарѣ, Алаярь-ханъ съ женою и пятилѣтнею дочерью Наталикой прибылъ въ Джузакъ и теперь, заботясь о возможно лучшемъ исполненіи порученій эмира, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за разказомъ стараго Садыка, бывшаго коменданта крѣпости Ура-Тюбе, взятой за нѣсколько дней предъ тѣмъ русскими войсками. Въ разказѣ его Алаярь надѣялся встрѣтить указанія на то что было бы достойно подражанія при защитѣ Джузака и чего слѣдовало бы избѣгать какъ ошибки.

Но Садыкъ передавалъ ходъ осады и взятіе Ура-Тюбе какими-то общими фразами и неточными выраженіями, не вдаваясь ни въ какія подробности. Часто прерываемый Афганцемъ, онъ начиналъ путаться въ словахъ, владалъ въ противорѣчія, явно лгалъ, старался выставить личную дѣятельность свою при защитѣ крѣпости въ возможно выгодномъ свѣтѣ и сваливалъ всѣ неудачи на подчиненныхъ.

Замѣчанія Афганца, внимательное молчаніе Алаяра и разсѣянное, насмѣшливое отношеніе къ его словамъ Якубъ-бека въ равной мѣрѣ конфузили и путали старика. Онъ видѣлъ что никто ему не вѣрилъ, что продолжать живое повѣствованіе напрасно и потому внезапно прервалъ разказъ, не доведя его до конца; послѣ недолгаго молчанія, никѣмъ не прерваннаго, онъ рѣзко перешелъ отъ служебнаго доклада къ изложенію личныхъ чувствъ.

— Надѣюсь, говорилъ, онъ пытливо глядя на Алаяра, — что нашъ могущественный и справедливый повелитель, — да проdlитъ Аллахъ его драгоценные дни! — будетъ милостивъ ко мнѣ, вѣрному рабу его.

— И за услуги твои пошлетъ тебя конечно править другимъ округомъ, пожалуй даже въ Карши, гдѣ ты родился и гдѣ полгорода твоихъ друзей и родныхъ, замѣтилъ насмѣшливо улыбаясь толстый, красный Якубъ-бекъ, причемъ глаза его безпрерывно перебѣгали то на Садыка, то на Алаяра.

— Зачѣмъ въ Карши? Поѣду только до Самаркандъ, гдѣ теперь находится эмиръ, отвѣчалъ Садыкъ.

Въ голосѣ его была слышна нота крайней досады и сдержаннаго раздраженія.

— Для чего сынъ твой отправился въ Карши? злобно улыбаясь спросилъ Якубъ.

Къ вопросу этому не приготовился Садыкъ.

— Мой сынъ... началъ бормотать онъ что-то несвязное и умолкъ.

Алаяръ поднялъ голову, выпрямилъ станъ и вперилъ пронзительный, строгій взоръ въ Садыка.

— Правда это? спросилъ онъ.

— Да! онъ повезъ туда наши семьи, свою и мою, сорвалось съ языка Садыка.

— Не доброе дѣло затѣваешь ты, старикъ! строго выговорилъ Алаяръ.

— Могу увѣрить тебя, пресвѣтлый токсаба, что отсюда хотѣлъ я ѣхать въ Самаркандъ, а не въ Карши.

„Значить принялъ уже должныя мѣры“, подумалъ про себя Якубъ. „Выходить что Сеидъ сказалъ мнѣ правду когда говорилъ о посылкѣ Еврея съ деньгами.“

— Карши мѣсто неспокойное, продолжалъ въ это время Алаяръ,—тамъ много враговъ нашего великаго владыки, да избавить его Аллахъ отъ ихъ злоухищреній! А въ случаѣ чего отъ Карши рукой подать и до Кабула, можно... убѣжать во всякое время. Не такъ ли, Садыкъ?

Выговоривъ эти слова, Алаяръ положилъ руку на плечо Садыка какъ бы давая старику почувствовать что власть эмира министра еще тяготѣетъ надъ нимъ и что власть эта не дозволитъ начать недоброе дѣло.

Садыкъ почувствовалъ что при всей женственности Алаяра, его бѣлая, украшенная кольцами и нѣжная рука сильна и тяжела.

— Я ѣду въ Самаркандъ, настойчиво повторилъ онъ,—и да свершится надо мной воля Аллаха! Съ покорностью приму рѣшеніе судьбы моей, какое захочетъ положить высокій повелитель мой надъ вѣрнымъ рабомъ своимъ.

— А чтобы рѣшеніе это было милостиво, вмѣшался опять Якубъ-бекъ,—ты послалъ три дня назадъ Еврея Зейфулина въ Самаркандъ.

Садыкъ, не отвѣчая на слова Якуба, улыбнулся, и улыбка его ясно выражала: „а кто же поступилъ бы иначе въ моемъ положеніи? Я не глуше другихъ“.

— Но ты ошибся въ расчетѣ, мой бѣдный Садыкъ, продолжалъ Якубъ.—На базарѣ разказываютъ сегодня что Еврей твой перехваченъ дорогой какими-то бродягами. Они убили его, и все что было съ нимъ, ты понимаешь Садыкъ, все что съ нимъ было—пропало.

— Не правда! съ запальчивостью возразилъ Садыкъ,—я имѣю вѣрное свѣдѣніе что Еврей прибылъ въ Самаркандъ.

Только это и нужно было знать Якубу. Теперь онъ былъ увѣренъ что Садыкъ можетъ ѣхать въ Самаркандъ и явиться предъ свѣтлыя очи эмира не страшась за голову свою, и что если Алаяру и придетъ блажь удержать или арестовать Садыка, то можно будетъ безо всякаго опасенія дать ему изъ-подъ руки средства къ бѣгству, разумѣется съ выдачей ему, Якубу, приличной благодарности въ видѣ золотыхъ тиллей. Ко всему остальному, въ томъ числѣ и ко взятію Ура-Тюбе русскими войсками, онъ былъ совершенно равнодушенъ.

Несомнѣнно что слова Садыка были истолкованы и Алаяромъ такъ же точно какъ они были поняты Якубъ-бекомъ; онъ не продолжалъ долѣе разговора на эту тему, и позвавъ прислуживавшаго имъ негра, потребовалъ новую чашку чаю.

— Ты, Садыкъ, обратилъ вниманіе на новыя наши стѣны въ Джузакѣ? спросилъ Афганецъ, видя что Алаяръ занялся чаемъ и замолкъ.

— Видѣлъ кое-что, отвѣчалъ Садыкъ.

Онъ вынулъ тавлинку изъ кармана архалука и, поднявъ немного лѣвую руку, насыпалъ изъ тавлинки щепотку нюхательнаго табаку въ ямку всегда образующуюся на рукѣ при усиленномъ поднятіи вверхъ большого пальца.

— Ну и что же? настаивалъ Афганецъ.

— Думаю что солдаты Бѣлаго Царя никогда еще не видали такой сильной крѣпости какую соорудилъ нашъ мудрый токсаба-перваначи, съ твоею, Нуралинь, помощію. Удивится Урусъ когда придетъ сюда, отвѣтилъ Садыкъ, втягивая носомъ съ руки щепотку табаку.

— И разобьетъ себѣ лобъ о наши стѣны? Не правда ли? спросилъ Якубъ, иронически улыбаясь.

Ничего не отвѣтилъ Садыкъ на замѣчаніе Якуба.

— Что жь не отвѣчаешь, скажи какая твоя мысль на этотъ счетъ? замѣтилъ Алаяръ, ожидавшій отвѣта Садыка.

— Не могу я отгадывать будущности, все въ волѣ Аллаха! Въ немъ вся премудрость и Онъ одинъ непогрѣшимъ, отвѣтилъ Садыкъ.

— Такъ-то такъ, великъ Аллахъ и Магометъ пророкъ его; но вѣдь и мы съ тобой не собаки, вмѣшался въ разговоръ Афганецъ и засмѣялся.

Нуралинъ не отличался ни набожностью, ни фанатизмомъ.

— Скажи же, Садыкъ, много по твоему грѣховъ и промаховъ въ стѣнахъ Джузака?

— Не сомнѣваюсь, отвѣтилъ Садыкъ,—что повелѣнія нашего непобѣдимаго эмира исполнены пресвѣтлымъ токсабой съ обыкновенною его премудростию и рвеніемъ и что...

— Но ты вѣдь только что видѣлъ какъ Уруссы берутъ крѣпости, прервалъ Алаяръ хвалебныя рѣчи,—а потому по опыту можешь сказать, все ли въ Джузакѣ готово для устрашенія врага и можемъ ли мы надѣяться устоять за нашими стѣнами.

Очевидно было затрудненіе и щекотливое положеніе стараго Садыка. Съ минуту онъ поразмыслилъ: что будетъ для него выгоднѣе: высказать ли съ полною откровенностію мысли свои или отдѣлаться пустыми фразами и общими мѣстами; но замѣтивъ влѣпившіеся въ него съ насмѣшкой сѣро-зеленые глаза Якуба, онъ сразу рѣшился говорить то что считалъ за правду и что давно уже составляло его твердое убѣжденіе.

— Не послѣдую я примѣру нѣкоторыхъ льстивыхъ и безсовѣстныхъ людей, сказалъ онъ съ обыкновенною Азіятцамъ напыщенностію рѣчи и цвѣтистостію выраженій, глядя притомъ строго на Якуба,—не хочу я медовыми словами затыкать уши нашего владыки отъ выслушванія правды, не буду дымомъ небывалой славы закрывать отъ глазъ его истину, хотя пришлось бы поплатиться за то головой. Уже не въ первый разъ видѣлъ я какъ дѣйствуетъ проклятый Урусъ. Сила въ немъ великая, онъ храбръ какъ левъ и хитеръ какъ лисица. Его пушки стрѣляютъ на цѣлый ташъ, и наши стѣны таятъ отъ выстрѣловъ его какъ таетъ сахаръ въ чаю. Семь дней стояли Русскіе подъ стѣнами Ура-Тюбе и стрѣляли; на восьмой вошли въ крѣпость по обваламъ стѣнъ, и всѣ наши убѣжали отъ воиновъ Бѣлаго Царя, какъ перья летятъ отъ вѣтра. Ура-Тюбе защищался семь дней, на восьмой палъ. Джузакъ простоятъ семнадцать дней,

на восемнадцатый ладець—и не спасутъ его ни крѣпкія стѣны, ни сарбазы, ни Афганцы. Далѣе Джузака пойдетъ Урусъ, скоро проникнетъ онъ въ ворота Тамерлана и не пройдетъ двухъ лѣтъ, какъ святыни Самарканда перейдутъ въ его руки.

Постепенно разгорался старикъ отъ собственныхъ словъ своихъ, уже не сидѣлъ онъ поджавъ подъ себя ноги, а стоялъ на колѣняхъ, протянувъ обѣ руки впередъ ладонями къверху, какъ будто качалъ лежащаго на нихъ ребенка. Чѣмъ-то пророческимъ вѣяло отъ колѣнопреклоненной фигуры сѣдаго старика въ восточномъ его одѣяніи.

На всѣхъ сидящихъ слова его произвели сильное впечатлѣніе; должно-быть всѣ думали и прежде то же самое, но никто не рѣшался выговорить мысли словами. Настало общее молчаніе, всѣ поникли головами въ глубокомъ раздумьѣ.

Первымъ заговорилъ Афганецъ, онъ всталъ уже на ноги.

— Чтò жь, послѣ этого и драться не стоить, что ли? Не отдать же крѣпости безъ боя, какъ отдался Зааминь!

— Нѣтъ, Нуралинь, возразилъ уже спокойнѣе Садыкъ.— Драться надо. Я знаю волю нашего пресвѣтлаго владыки. Онъ сказалъ что защитники Джузака должны лечь подъ развалинами стѣны его, и волю эмира надо исполнить. Иначе худо будетъ тѣмъ кто переживетъ крѣпость. Лучше лечь здѣсь чѣмъ издыхать три дня на колу предъ дворцомъ его.

„А еще лучше отдаться русскому сардарю“, подумалъ Якубъ-бекъ, но мысль свою громко не выразилъ.

— Все чтò говоришь ты, Садыкъ, о силѣ русскихъ войскъ, сказалъ Нуралинь, — то говоришь ты правду и не слѣдовало совсѣмъ начинать эту войну съ Русскими. Не добрый конецъ ея будетъ.

— А кто же виноватъ въ этой несчастной войнѣ? послѣшно возразилъ Садыкъ.— Когда прошлою зимой Урусъ ушелъ отъ Джузака, потому что и братъ-то его не думалъ, у нѣкоторыхъ людей—Садыкъ бросилъ при этомъ злобный взглядъ на Якуба—пошла съ радости голова кругомъ, ихъ обуяла гордость, выросли они сразу превыше горъ Тянь-Шана, писали нашему милостивому повелителю—да избавить его Аллахъ отъ живыхъ совѣтчиковъ!—что Русскіе такъ пострадали и такъ ослабли что не трудно будетъ выгнать ихъ даже изъ Ташкента. Ну и собрано было сорокъ тысячъ войска, и погнали насъ на Сыръ-Дарью. Тогда началась по совѣту

неразумныхъ людей эта пагубная война. Сколько славныхъ *батырей* (богатырей) погибло тогда подъ Ирджарой. Исчезло все войско наше, какъ исчезаетъ снѣгъ отъ весеняго солнца, разбѣжались всѣ какъ бараны отъ волковъ. Отняты у нашего эмира округа Ходжентскій и Ура-Тюбинскій, сколькокихъ доходовъ лишился онъ, нашъ милостивый повелитель, да и мы съ нимъ! То же будетъ и съ твоимъ округомъ, Якубъ.

— Не такъ вели вы дѣло, какъ надо было вести его! вскрикнулъ совсѣмъ побагровѣвшій Якубъ;—когда я выговаривалъ отсюда Русскихъ....

— Не хвались напрасно, прервалъ его Алаяръ.

Злобный, полный ненависти взглядъ бросилъ Якубъ-бекъ на Алаяра, но замолчалъ.

— Не такъ дѣйствовали! повторилъ Садыкъ упрекъ Якуба, качая головой;—что было повелѣно, то и дѣлали.

— Должно-быть дурно дѣлали, замѣтилъ Якубъ.

— Дурно дѣлали не мы, возразилъ Садыкъ,—а ты, Якубъ. Ты обманулъ самохвальствомъ твоимъ нашего владыку, ты привлекъ его къ этой несчастной войнѣ и ты одинъ долженъ вести предъ нимъ по справедливости....

— Моя крѣпость еще цѣла, съ запальчивостью прервалъ его Якубъ,—а твоя гдѣ? вмѣсто приготовленій къ оборонѣ ты все послѣднее время занимался одними лишь сборами денегъ съ кшлаковъ (деревень).

— А ты развѣ дѣлалъ что-нибудь другое? отвѣтилъ Садыкъ,—да кто же поступаетъ иначе? за тѣмъ мы и поставлены беками надъ округами.

Затѣмъ уже оба заговорили вмѣстѣ, не слушая одинъ другаго.

Афганецъ Нуралинъ глядя на нихъ презрительно улыбался.

— Замолчите вы! крикнулъ наконецъ Алаяръ такимъ строгимъ и звонкимъ металлическимъ голосомъ, какого никакъ нельзя было ожидать отъ человѣка съ виду столь изнѣженнаго и деликатнаго.

Оба бека умолкли, встали со своихъ мѣстъ, наклонили головы и провели руками вдоль лица и бороды, бормоча какія-то несвязныя слова.

Одинъ Афганецъ оставался спокоенъ. Насмѣшливая улыбка не сходила съ устъ его, но теперь она возбуждалась уже не распрей бековъ, а видомъ Алаяра, который съ явнымъ

трудомъ и неловкостью поднимался съ полу на ноги, отеки отъ долгаго сидѣнья на низкой подушкѣ.

Что! не гнутся твои кости, года подходятъ, вѣдь не молодъ ты! говорила эта насмѣшливая улыбка.

Но и Алаярь изподлобья слѣдилъ за Афганцемъ; онъ замѣтилъ что Нуралинъ съ насмѣшкой смотритъ на его неловкія движенія, обличающія въ человѣкѣ наступленіе того времени когда онъ уже теряетъ юношескую гибкость. Ему стало досадно и на себя и еще болѣе на Афганца, который такъ молодъ, гибокъ и красивъ.

Такіе-то именно люди и увлекаютъ молодыхъ и пылкихъ женщинъ, мелькнуло въ головѣ его.

— Нуралинъ, вели сѣдлать лошадей, для меня—бѣлаго моего киргиза; мы поѣдемъ съ тобой въ Яны-Курганъ, хочу посмотреть какъ идутъ тамъ работы, особенно гордымъ и повелительнымъ тономъ сказалъ Алаярь, и обратясь къ обоимъ бекамъ, продолжалъ: — Тебѣ, Садыкъ, приказываю остаться здѣсь, въ Джузакѣ. Сегодня же пошлю гонца въ Самаркандъ, спросить нашего могущественнаго эмира, прикажетъ ли онъ тебѣ предстать предъ его свѣтлыя очи, или повелитъ что-нибудь иное. Тебѣ, Якубъ, поручаю найти для Садыка дорѣшенія судьбы его вѣрное помѣщеніе.

Послѣ новаго поклона и поглаживанія лица и бороды, оба удалились.

Алаярь остался одинъ въ дурномъ, раздраженномъ состояніи духа. Какой-то червякъ точилъ его сердце. Безсознательно, неровными, тихими шагами, началъ онъ ходить изъ одного угла комнаты въ противоположный, перебирая пальцами обѣихъ рукъ висѣвшую на груди цѣлочку и не поднимая глазъ съ пола, покрытаго коврами. Какъ-то не связано толпились мысли въ головѣ его, не могъ онъ заставить себя думать упорно, послѣдовательно объ одномъ и томъ же предметѣ. Все старался онъ направить мысли свои на дѣйствія русскихъ войскъ, на слова Садыка, на то что Джузакъ долженъ пасть и сейчасъ же являлась откуда-то мысль о Нуралинѣ и Анумати.

Если во время осады убьютъ меня, думалъ онъ, Анумати убѣжитъ съ Афганцемъ, онъ ей правится; онъ такъ хорошъ, такъ гибокъ станъ его, онъ такъ молодъ... Да! но меня могутъ не убить. Тогда казнить меня эмиръ. Онъ всѣхъ казнить, этотъ кровожадный звѣрь; онъ захочетъ пожалуй взять ее къ

себѣ, но Афганецъ выкрадетъ ее, и она убѣжитъ съ нимъ, потому что онъ ей нравится.

Все сильнѣе клокотада кровь его, все быстрѣе дѣлались шаги его, все чаще, одинъ за другимъ слѣдовали повороты.

Она его полюбитъ какъ прежде любила меня, а прежде она любила меня больше чѣмъ любить теперь; нѣтъ! не больше, а лучше, ровнѣе. Теперь она то ласкова какъ прежде бывала, то холодна какъ прежде не бывала никогда. Часто бываетъ задумчива, молчалива и скучна. Чтò мучить ее? Можетъ-быть недобрія предчувствія, она такъ суевѣрна, вѣрять всякимъ примѣтамъ. Нѣтъ! давно бы сказала мнѣ объ этомъ; она слишкомъ лыкаго нрава чтобы не высказаться. Если что-нибудь мучить ее, такъ это что-нибудь такое чего она высказать не можетъ или не смѣетъ, чтò касается не ея одной, чтò можетъ быть тайной другихъ. Но изъ другихъ она видитъ только двухъ женъ Якуба и Афганца. Не можетъ быть ничего общаго между Анумати и женами Якуба, такъ значитъ ее мучить какая-нибудь тайна Нуралина.

И вспоминалъ онъ сердечнымъ воспоминаніемъ своимъ всё, даже мелкія подробности ея обращенія, длинныя, вечернія ихъ бесѣды съ нимъ и съ Афганцемъ, толковалъ ея слова, припоминалъ выраженіе ея прелестныхъ глазъ, когда она такъ серьезно говорила бархатнымъ голоскомъ своимъ невѣрующему ни во чтò Афганцу о загробной жизни и переселеніи душъ.

И о чемъ бы ни подумалъ онъ, о чемъ бы ни вспомнилъ онъ, во всемъ натыкался на воспоминанія о проклятомъ, красивомъ Афганцѣ. Уже не разъ неприятно поражало его что человекъ этотъ какъ-то неразлучно связанъ со всѣми подробностями ежедневной жизни Анумати. Уже нѣсколько разъ въ послѣдніе дни какой-то червь начиналъ ѣдко точить его сердце, уже не разъ чувство ревности зажигало кровь его, холодило руки; онъ не говорилъ объ этомъ ни ей, ни кому другому, а ласки Анумати такъ скоро все это исцѣляли.

Конечно онъ моложе и красивѣе меня, онъ можетъ одною наружностію своею увлечь женщину; но въ глубинѣ души она можетъ-быть и не любить его, она любить любовь его. Также вѣдь было и со мной. Ее поразилъ восторгъ мой, и она пошла за мной. Теперь она восторгается любовью Нуралина и увлекается имъ. Съ какою радостью она всегда его встрѣчаетъ! какъ разговоры съ нимъ оживляютъ ее! она не можетъ

скрыть нетерпѣнія своего когда онъ долго не приходитъ; она просто скучаетъ безъ него.

Такія жгучія мысли все сильнѣе волновали кровь Алаяра; лицо его краснѣло и кровью наливались глаза.

Вдругъ вспомнилось ему что и Нуралинъ перемѣнилъ съ нимъ обращеніе въ послѣднее время. Уже нѣсколько разъ поражали его: холодность, сдержанность и какое-то недружелюбіе со стороны Афганца, между тѣмъ какъ прежде отношенія ихъ были такъ близки и пріятны.

И неужели это правда! неужели Нуралинъ осмѣлился поднять глаза на этотъ цвѣтокъ рая, неужели онъ осквернилъ мое чистое сокровище, втопталъ въ грязь все счастье моей жизни!

Въ совершенномъ уже забытѣ, въ изступленіи рванулся Алаяръ къ дверямъ, сжимая въ рукѣ рукоятку кинжала.

— Лошади готовы, поѣдемъ, проговорилъ спокойнымъ тономъ только что вошедшій въ комнату Нуралинъ.

Онъ остолбенѣлъ при видѣ Алаяра, который не твердыми шагами, шатаясь приближался къ нему на встрѣчу съ искаженнымъ лицомъ, съ глазами налитыми кровью и съ полувынутымъ изъ ноженъ кинжаломъ.

Голосъ Афганца, этотъ призывъ къ ежедневнымъ будничнымъ заботамъ, мгновенно отрезвилъ Алаяра. Онъ остановился, вперилъ мутный взоръ въ вошедшаго, глаза ихъ встрѣтились, и оба сразу прочитали въ нихъ какъ безконечна взаимная ихъ ненависть.

Уставивъ дерзкій взглядъ на Алаяра, Афганецъ тоже схватился правою рукою за рукоятку шашки.

Неизвѣстно чѣмъ кончилась бы эта встрѣча еслибы не вошелъ въ комнату негръ Алаяра за серебрянымъ топорищемъ, эмблемой власти токсабы-перваначи. Когда вѣхалъ токсаба, а онъ вѣдиль не иначе какъ шагомъ, того требовалъ его санъ, скороходы несли впереди его лошади два знамени, украшенныхъ конскими хвостами, и позади серебряный топорикъ. Приходъ негра въ комнату образумилъ обоихъ. Алаяръ пришелъ въ себя, потеръ руками глаза, виски и лобъ, вздохнулъ глубоко какъ будто не доставало ему воздуха и твердыми шагами вышелъ изъ комнаты за негромъ несшимъ топорикъ на плечѣ. За нимъ вышелъ и Нуралинъ.

Ни слова не произнесли ни тотъ, ни другой.

Не успѣлъ выѣхать токсаба-перваначи изъ воротъ цитадели, какъ его встрѣтилъ Киргизъ, гонецъ изъ передовыхъ легкихъ отрядовъ вертѣвшихся все время какъ шмели вокругъ идущей походомъ колонны русскихъ войскъ. Гонецъ былъ о дву-конь. На одномъ онъ сидѣлъ, другаго держалъ въ поводу. Для скорости ѣзды Киргизы посылаемые гонцами берутъ съ собой двухъ лошадей и дорогой попеременно пересаживаются съ одной на другую. Такъ дѣлають они по двѣсти верстъ въ сутки не кормя.

Быстро соскочивъ съ лошади и ведя за собой въ поводу двухъ усталыхъ коней, Киргизъ подошелъ къ Алаяру, и при вѣтствую его поглаживаніемъ рукой по лицу и приложеніемъ ея къ сердцу, доложилъ что Урусъ идетъ на Джузакъ, что войска русскаго очень много, съ одного конца до другаго и видѣть невозможно, а пушекъ тащить Урусъ столько что въ цѣлый день ихъ не пересчитаешь.

— Ты самъ видѣлъ? спросилъ Алаяръ.

— Самъ видѣлъ, неувѣренно отвѣчалъ гонецъ.

Конечно, Алаяру было хорошо извѣстно что русскаго войска не было и трехъ тысячъ человекъ, а пушекъ было всего двѣ батареи.

Изъ поѣздки въ Яны-Курганъ Алаяръ возвратился одинъ. Нуралинъ имъ былъ оставленъ комендантомъ этой крѣпостцы, со строгимъ приказаніемъ не отлучаться изъ нея ни на шагъ.

III.

Двѣнадцатаго октября подошелъ къ Джузаку русскій отрядъ, четырнадцатаго началась осада, построены были двѣ брешь-батареи на окраинахъ садовъ-предмѣстій, саженяхъ въ восьмидесяти и во ста отъ первой крѣпостной стѣны, противъ Самаркандскихъ и Ура-Тюбинскихъ воротъ, а пятнадцатаго съ утра открытъ былъ съ батареей сильный огонь, не умолкавшій уже до взятія крѣпости ни днемъ, ни ночью.

Пробовалъ Алаяръ по ночамъ чинить производимые русскими орудіями обвалы, но дѣло не спорилось, картечь и ружейные выстрѣлы отгоняли рабочихъ. Какъ нарочно, погода стояла все время ясная, ночи лунныя, какъ день свѣтлыя. Все вниманіе и всѣ выстрѣлы русской артиллеріи обращены

были исключительно на произведеніе брешей. По внутреннему городу и по цитадели не стрѣляли вовсе; весьма рѣдко заблудшаяся пуля, ищущая гдѣ-то далеко укрывающагося виноватаго, просвиститъ надъ базаромъ.

Въ первый день прихода русскаго отряда паника между жителями была страшная. Всѣ обитатели предмѣстій слѣпили укрыться за стѣнами крѣпости, немногіе бѣжали въ горы, гдѣ и ожидали рѣшенія вопроса: кто одолѣетъ. Въ сущности для нихъ рѣшеніе это было безразлично; они только хотѣли знать въ чьихъ рукахъ окажется судьба ихъ и кому придется кланяться, кого просить о пощаду и кому платить: своему ли прежнему бухарскому начальству, или русскимъ властямъ.

Укрывшіеся въ крѣпости размѣстились гдѣ кто могъ; большинство кочевало на площадяхъ и улицахъ.

Потребность въ съѣстныхъ припасахъ значительно возрасла, но булочные, пекарни, чайныя и трактиры, гдѣ нѣсколько дней предъ тѣмъ можно было за полкокана наѣсть до-сыта варенаго риса съ бараньимъ жиромъ и изюмомъ, были закрыты.

Одна только лавка *Сеида*, на крытомъ базарѣ, продолжала торгъ. Сеидъ былъ малый хитрый, находчивый; въ лавкѣ его во всякое время можно было найти и приобрѣсть выдѣланныя кожи, русскіе леденцы, красные съ желѣзными обручами ящички кустарнаго издѣлія, обувь всякаго рода, небольшія зеркальца, ватныя одѣяла, халаты, чай, чашки и все что необходимо человѣку съ незатѣпливымъ хозяйствомъ. Въ настоящее опасное время одѣяла, ситцы, шелковыя матеріи были убраны въ ящички и спрятаны въ подвалъ подъ поломъ лавки, а на опорожненныхъ полкахъ появились пшеничныя лепешки, блюда съ рисомъ, куски жареной баранины и всякая снѣдь.

За то и цѣны на всѣ предметы назначилъ Сеидъ высокія, такъ что въ одинъ день торга зашибъ колѣвку. Лавка Сеида процвѣтала впрочемъ и въ мирное время; всему базару было извѣстно что настоящимъ хозяиномъ ея былъ не Сеидъ, а Якубъ-бекъ, самъ джузакскій комендантъ, и что во всякое время дни можно было, зайдя къ Сеиду, найти въ его лавкѣ общество самое разнообразное и услышать новости самыя новыя, иногда и неправдоподобныя, но за то самыя интересныя. А чтобы услышать такіа

новости обитатель Средней Азии, кто бы онъ ни былъ, простой Сартъ, кочующій Киргизъ, благородный Узбекъ, богатый кулець и нищій байгушъ, способенъ просидѣть подъ палящими лучами солнца, поджавъ подъ себя ноги, отъ восьми часовъ утра до восьми вечера.

Примѣръ Сеида и быстрая его нажива соблазнили многихъ хозяевъ, напуганныхъ постояннымъ грохотомъ лушечныхъ выстрѣловъ. Видя что русская артиллерія не стрѣляетъ по городу и что гяуръ гуауль — цѣлый день долбитъ стѣну и оставляетъ въ покоѣ лавки и товары, хозяева ихъ ободрившись и на второй же день осады открыли торгъ.

Жизнь базара пошла по заведенному прежде порядку.

Семнадцатаго октября, въ третій день осады въ лавкѣ Сеида и предъ ней сидѣло многочисленное общество.

Лавки азіятскихъ базаровъ состоятъ изъ одной, или изъ двухъ комнатъ. Первая изъ нихъ, она же въ большей части случаевъ и единственная, выходящая собственно на толкунь, гдѣ проходитъ и толчется публика, имѣетъ только три сплошныя стѣны; бóльшую половину четвертой составляетъ деревянный щитъ, цѣльный или изъ нѣсколькихъ кусковъ, опускаемый въ горизонтальное положеніе днемъ и поднимаемый въ вертикальное на ночь. Олущенный щитъ этотъ служитъ столомъ и сѣдалищемъ; поднятый онъ запираетъ лавку въ видѣ четвертой стѣны. При такомъ устройствѣ всѣ сидящіе какъ внутри, такъ и внѣ лавки могутъ вести общій разговоръ. Ничто не препятствуетъ ни видѣть, ни слышать снаружи лавки находящихся внутри ея.

Уже начинало вечерѣть, базаръ пустѣлъ, нѣкоторыя лавки подняли уже свои наружныя стѣны, другія запирались, но въ лавкѣ Сеида и передъ ней общество не уменьшалось.

Сѣдой азанчей (духовное лицо), до уродливости испещренный слѣдами бывшей оспы, въ бѣлой чалмѣ и свѣтло-зеленымъ халатѣ съ малиновыми тонкими полосками, сшитомъ изъ шелковой бухарской матеріи, похожей на кавказскій кангаузъ, сидѣлъ поджавъ ноги на срединѣ деревяннаго олущенного щита. Предъ нимъ на улицѣ стоялъ Киргизъ въ черномъ суковномъ малахаѣ (особый киргизскій головной уборъ), съ ружьемъ перекинутымъ на ремнѣ за спину; позади Киргиза стояла маленькая лошадевка его. Онъ только-что пріѣхалъ изъ русскаго лагеря, гдѣ посетилъ знакомыхъ джигитовъ и прощиковъ (погонщики лошадей заложенныхъ въ

повозки, называемыя арбами), а потому разказывалъ новости самыя что ни на есть свѣжія.

Все общество, собранное въ лавкѣ, обступило разказчика и слушало его не только ушами, которыя почти у всѣхъ Азіятцевъ, вѣроятно для лучшаго слушанія новостей, топырятся отъ черепа, но и глазами и даже ртомъ. Глаза всѣхъ устремлены были на говорившаго и рты у многихъ, начиная съ рябаго азанчея, широко раскрыты.

— Какъ только подошли они сюда, продолжалъ говорить Киргизъ,—такъ онъ и явился въ ихъ лагерь, и теперь тамъ; дали они ему палатку, стоитъ рядомъ съ тюрей (офицеромъ) что впереди джигитовъ ѣздить.

— Самъ ты видѣлъ его? спросилъ кто-то изъ толпы.

— Самъ видѣлъ, одѣтъ какъ и прежде, въ темномъ бешметѣ, въ бѣлой чалмѣ.

— Находчивъ Нуралинъ! заявилъ сидѣвшій рядомъ съ азанчеемъ Сартъ, въ чистомъ суконномъ халатѣ, одинъ изъ болѣе богатыхъ обладателей садовъ въ предмѣстьѣ,—онъ нашего эмира знать не хочетъ: ему что! онъ Афганецъ, за деньги служилъ, за деньги же вѣрно и передался.

— Ну вѣтъ! Не за деньги пошелъ онъ къ нимъ, замѣтилъ тономъ всезнайки всѣмъ въ Джузакѣ знакомый цирюльничъ, занятый въ эту самую минуту бритьемъ головы сарбаза сидѣвшаго на полу внутри лавки.

— Да! слышали мы объ этомъ; говорятъ поссорился съ Аларъ-ханомъ, вмѣшался кто-то въ разговоръ.

— Изъ-за денегъ, сказывали, ссора-то вышла, прибавилъ другой.

— Ну и лускай себѣ изъ-за денегъ, пробурчалъ всезнающій цирюльничъ,—мы знаемъ что знаемъ, добавилъ онъ, какъ бы вызывая почтенную публику адресоваться къ нему съ вопросомъ о томъ что онъ знаетъ.

Малѣйшее замѣчаніе слушателей дало бы цирюльнику поводъ пуститься въ длинный разказъ и завладѣть вниманіемъ общества, а это составляло для него верхъ блаженства. Должно-быть азанчей уже не мало выслушалъ разказовъ цирюльника и зная ихъ продолжительность услугался, ему хотѣлось поскорѣе узнать свѣжія новости привезенныя Киргизомъ.

— Да замолчите вы тамъ! крикнулъ онъ, обративъ голову назадъ.—Дайте Джангеру разказать намъ что онъ видѣлъ и слышалъ въ лагерѣ гяуровъ.

Хозяинъ сосѣдней лавки, торговавшей всякаго рода посудой, поднялъ щитъ, залеръ лавку и подойдя къ группѣ слушателей, спросилъ Киргиза: не слышалъ ли онъ, почему Русскіе не стрѣляютъ по городу и по базару.

— Чтобы не разбить твоей посуды, отвѣтилъ вмѣсто Киргиза прикащикъ Сеида,—вотъ возьмутъ крѣпость и городъ, самимъ она понадобится; тебя же придутъ просить отдать имъ все.

— И отдамъ охотно, отвѣтилъ владѣтель лавки съ посудой,—потому что хоть они и гяуры, а за все что берутъ—деньги платятъ, да и не торгуясь.

— А какъ тамъ говорятъ, спросилъ азанчей,—скоро возьмутъ они крѣпость?

Въ тонѣ вопроса было слышно что азанчей и не сомнѣвался въ неизбежномъ паденіи крѣпости, даже и въ скоромъ взятіи ея русскими войсками.

Конечно и Киргизъ оуѣнилъ вѣрно тонъ вопроса азанчей, потому что, не отвѣчая на него, прямо сказалъ:—Вчера вонъ побѣжали всѣ въ ущелье, при мнѣ было. Прискакалъ отъ Тамерлановскихъ воротъ казакъ съ извѣщеніемъ что изъ Самарканды идетъ на помощь крѣпости войско эмира. Шло три тысячи коней, съ ними восемнадцать пушекъ.

— И что же? спросили многіе голоса.

— Разказывали джигиты, отвѣчалъ Киргизъ,—что въ ущельяхъ остановили русскіе солдаты, стрѣляли много, отчего Бухарцы и ушли назадъ и пушки увезли съ собой; кто въ горы ушелъ, а многіе и такъ разбѣжались кто куда. Ужъ очень сильно стрѣляютъ ихъ пушки. Летитъ ядро изъ далека, изъ далека; гудитъ такъ страшно, да потомъ вдругъ и долететь; такъ кусками и бьетъ.

Извѣстіе объ отраженіи войскъ эмира, весьма важное для судьбы Джузака, было принято почтеннѣйшею публикой совершенно равнодушно.

— Говорятъ что главный ихъ сардаръ предлагалъ Алаяръ-хану сдаться безъ боя Бѣлому Царю, со всѣмъ войскомъ и жителями Джузака, продолжалъ разказывать свои свѣжія новости Киргизъ.—Общались всѣхъ пощадить и ничего не тронуть ни въ домахъ, ни на базарѣ; пускай, говоритъ, живутъ какъ прежде жили. Да ханъ не согласился.

— Напрасно, отозвались нѣсколько голосовъ изъ толпы.

— И правда что напрасно, Урусъ не обманщикъ, хоть и гяуръ, замѣтилъ хозяинъ сада.

— Нѣтъ, правъ Алаяръ-ханъ, вступился какой-то Сартъ, вооруженный шашкой подвязанною къ поясу веревочками.— Не слышали вы развѣ что объявляли намъ муллы и беки? Правовѣрный нашъ владыко повелѣлъ всѣмъ умереть на стѣнахъ крѣлости. Мы недостойные рабы должны исполнить его волю, а не то худо будетъ. Не убьетъ тебя Урусъ, такъ зарѣжетъ потомъ лалачъ какъ барана, и голову твою вздѣнутъ на пику.

— Такъ, такъ, правду говоришь, послышалось нѣсколько голосовъ въ толпѣ.

Всѣ стоящіе и сидящіе какъ-то приуныли, наступило общее молчаніе, тишина водворилась на базарѣ, только грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ все чаще и чаще потрясалъ воздухъ.

— Слышалъ я, заговорилъ наконецъ первымъ Киргизъ,— что вчера вечеромъ Садыкъ съ десятию верховыми пробился чрезъ русскую цѣпь и убѣжалъ въ горы. Убили они ликами одного Уруса, ранили другаго и уекакали.

— Какъ же такъ! воскликнулъ азанчей,—вѣдь Якубъ-бекъ держалъ его въ залерти у себя на заднемъ дворѣ; какъ же могъ онъ убѣжать?

— Видно запоры-то сняли, отозвался цирюльникъ кончившій бритье головы сарбаза, укладывая въ кожаный мѣшокъ свои инструменты.

— Да кто же снялъ ихъ? спросилъ какой-то голосъ изъ толпы.

— Тотъ кому деньги были нужны, отвѣтилъ съ напускною загадочностію цирюльникъ.

Видно на этотъ разъ всезнающій цирюльникъ или не успѣлъ еще провѣдать кто снялъ запоры и кому понадобились деньги Садыка, или не считалъ удобнымъ говорить объ этомъ предметѣ въ лавкѣ Сеида. Забравъ кожаный мѣшокъ свой, онъ незамѣтно удался изъ лавки.

— А что слышно изъ Ура-Тюбе? спросилъ хозяинъ сада.— Много ли головъ снялъ русскій сардаръ?

— Головъ не снималъ совсѣмъ, отвѣтилъ Киргизъ.— На другой же день какъ Урусы взяли крѣлость, открылся базаръ у лагеря ихъ, а чрезъ два дня и внутри города. Все пошло по-прежнему.

— Вотъ какъ, замѣтилъ кто-то изъ толпы,—глупъ же гяуръ. Эмиръ нашъ или ханъ Кокана снялъ бы тысячи двѣ головъ, женъ и дѣвокъ приказалъ бы угнать въ Самаркандъ и въ Бухару, а имущество жителей что поцѣвнѣе взялъ бы себѣ. На то онъ и побѣдитель. А что взялъ Урусъ? Ничего, какъ будто и не побѣждалъ. Подумаешь, право, изъ-за чего дерутся эти гяуры? Какая имъ оттого прибыль?

Не нашлось никого у лавки Сеида кто взялъ бы на себя смѣлость рѣшить такой замысловатый вопросъ.

— Что жь, на базарѣ этомъ у лагеря торговали? деньги получали? спросилъ прикащикъ Сеида.

— А то какъ же, отвѣчалъ Киргизъ,—иначе кто же добровольно пришелъ бы къ лагерю. Покупали они и лошадей, и ковры, и пшеничныя лепешки, и дженушку (особая трава, служащая лучшимъ фуражемъ для лошадей), и всякую скотинку. Что ни тащи, все купить и деньги сейчасъ заплатить. Никого они не обидѣли, никого не обманули.

— Видѣлъ я ихъ въ Ташкентѣ, замѣтилъ прикащикъ Сеида.—Что говорить, съ Урусамъ жить можно. Хоть и гяуры они, а обиды никому не причиняютъ. У нихъ все по справедливости.

Всѣ вновь умолкли, всѣми овладѣло невольное раздумье.

Уже не разъ слышали они о русскомъ управленіи, объ обезпеченіи жизни людей и ихъ достоянія подъ властію Русскаго государя; многіе изъ нихъ видѣли въ Туркестанѣ какъ милостиво и великодушно поступали русскія власти съ побѣжденными, какъ силенъ и могущественъ Бѣлый Царь, какъ страшны его войска.

Истинктивно чувствовали они что наступаетъ какая-то новая эра народной жизни. Но не взирая на то, никакъ не могли они увѣровать что власть гяура можетъ упрочиться въ краѣ. Они такъ привыкли къ непрерывнымъ переменамъ власти. То ханъ Коканскій завладѣвалъ ими, и по этому случаю грабилъ, убивалъ и разорялъ жителей; то вновь эмиръ Бухарскій отнималъ ихъ у хана Коканскаго, и опять тѣ же грабежи и убійства обагрjali кровью ихъ несчастную страну. Кто ни придетъ, всякій грабить и тиранить. Можно ли послѣ того удивляться бездушнoй алати людей не имѣющихъ понятія ни о національномъ самолюбіи, ни о мести родины, ни даже о самой родинѣ.

— Куда же это запропастился Сеидъ? спросилъ наконецъ рябой азанчей, озираясь кругомъ;—онъ разказалъ бы намъ кто выпустилъ Садыка.

— Сеидъ до сихъ поръ у Якуба, отвѣтилъ прикащикъ.

Пока бесѣдовала компанія у лавки Сеида, солнце сѣло.

Въ этомъ краѣ сумерекъ нѣтъ, быстро надвигалась ночь.

— Пора закрывать лавку, объявилъ прикащикъ.

Всталъ азанчей, за нимъ поднялись другіе, и невеселыми группами разошлись по узкимъ и тихимъ улицамъ города.

Къ сторонѣ русскаго лагеря, частыя вспышки, какъ отдаленная зарница, на мгновеніе освѣщали горизонтъ и вслѣдъ за ними грохотъ выстрѣловъ раскатывался по затихшему городу, отражаясь отъ стѣнъ домовъ и цитадели.

Эти постоянные выстрѣлы наводили уныніе на жителей города, угрожаемаго штурмомъ, какъ бой часовъ наводитъ предсмертную тоску на преступника приговореннаго къ смерти, напоминая ему что съ каждымъ ударомъ маятника близится страшная, кровавая развязка.

Въ это время, въ задней комнатѣ лавки тоже собирался уѣхать Якубъ-бекъ, послѣ тайной бесѣды съ Сеидомъ.

Принявъ отъ Сеида небольшой кожаный мѣшечекъ, Якубъ развязалъ его и запустивъ въ мѣшечекъ нѣсколько пальцевъ, вынулъ пригоршню золотыхъ монетъ, которыя тутъ же и положилъ на протянутыя къ нему обѣ руки Сеида. Затѣмъ, завязавъ вновь мѣшечекъ, уложилъ его съ видимымъ наслажденіемъ въ карманъ архалука.

Производя всю эту манипуляцію, Якубъ не прекращалъ разговора.

— Спасибо, Сеидъ, хорошая работа: и человѣку помогаи, и себя не забыли. Дѣло доброе.

— Чтò скажетъ на это Алаяръ? спросилъ Сеидъ.

— Алаяру теперь не до Сеида, совсѣмъ онъ растерялся; безъ Нуралина не знаетъ за чтò и взяться. На утро собираетъ всѣхъ бековъ, хочетъ отъ нихъ ума набратъся, прибавилъ Якубъ смѣясь.—Однако, продолжалъ онъ, прервавъ потокъ благодарности Сеида за данныя ему монеты,—не теряя времени, смотри чтобы все мною сказанное было исполнено точно, чтобы не застигла насъ бѣда не готовыми, а то худо будетъ. Помни что въ случаѣ чего, ты понимаешь, я при скачу сюда и отсюда уже прямо на Мурза-Рабатъ и Чиназъ. Ну, прощай.

Правъ былъ Якубъ-бекъ: дѣйствительно, неопытный въ военномъ ремеслѣ, Алаяръ начиналъ терять голову.

Въ составѣ гарнизона числились, правда, девятнадцать бекъ, съ которыми онъ могъ бы посоветоваться, такъ какъ многіе изъ нихъ дѣлали походы, пожалуй были и свидѣтелями недавняго еще разгрома Джузака эмиромъ Бухарскимъ, отнявшимъ эту крѣпость у хана Коканскаго. Былъ, наконецъ, и Якубъ-бекъ, еще такъ недавно отразившій, по хвастливымъ увѣреніямъ его, русскій отрядъ отъ того же Джузака. Со многими изъ нихъ совѣтовался Алаяръ, но ни отъ кого не услышалъ онъ разумнаго слова; во всѣхъ встрѣтилъ одну мертвящую апатію.

Въ то время отношенія мѣстныхъ жителей Средней Азіи къ ихъ владѣтелямъ, а также къ дѣламъ, общественнымъ и другъ къ другу, установлены были на самыхъ дикихъ началахъ.

Правители этихъ несчастныхъ народовъ, ханы Коканскій и Хивинскій и эмиръ Бухарскій смотрѣли на власть какъ на средство достиженія ихъ личныхъ, эгоистическихъ цѣлей, а цѣли не имѣли ничего общаго ни съ благомъ народа, ни съ разумными государственными видами.

Эмиръ Бухарскій Музаффаръ-ханъ увлеченъ былъ кромѣ того еще лагубнымъ и страстнымъ желаніемъ прославить имя свое громкими побѣдами, а потому, не жалѣя нисколько народа своего, воевалъ безо всякой надобности со всѣми сосѣдями. Послѣ сраженій имъ выигранныхъ и по взятіи городовъ онъ обгарялъ потоками крови завоеванныя земли. Его слава измѣрялась числомъ пирамидъ изъ человѣческихъ головъ, уставленныхъ вокругъ его ставки или его дворца.

Не развитые ни умственно, ни нравственно, властители Средней Азіи могли умѣстить въ головахъ своихъ только понятіе о прерогативахъ власти; но не въ силахъ были усвоить себѣ идеи объ обязанностяхъ монарха предъ подданными и предъ отечествомъ.

Со своей стороны, народы имъ подвластные, подавленные и униженные, утратили, а можетъ-быть никогда и не имѣли понятія о тѣхъ гражданскихъ обязанностяхъ которыя несутъ на себѣ подданные европейскихъ державъ какъ предъ монархами, такъ и предъ отечествомъ и обществомъ. Они имѣли быть или безсмысленными и безсловесными рабами, или бунтовщиками, выведенными изъ терпѣнія деспотомъ, вѣчно посягающимъ на жизнь, семейство и достояніе своихъ

подданныхъ; но вѣрными и доблестными слугами правительства и отечества они быть не могли.

Въ подданныхъ эмира лишь страхъ личной ответственности предъ грознымъ повелителемъ служилъ связью ихъ между собой и удерживалъ воиновъ его на стѣнахъ Джузака. Повелѣлъ эмиръ защищать крѣпость до послѣдняго человѣка, и они, равнодушные къ мало привлекательной жизни, боялись не исполнить воли его. Они считали неизбѣжнымъ найти смерть на стѣнахъ крѣпости, по приказу эмира, но ни что не побуждало ихъ связать эту жертву съ общою пользою и напрягать всѣ способности для лучшей защиты крѣпости.

Апатія къ жизни и такая же апатія къ дѣлу ими исполняемому, — вотъ общій характеръ подданныхъ эмира Бухарскаго. Къ тому же каждый изъ нихъ инстинктивно предчувствовалъ, да и опытъ доказалъ уже справедливость этого предчувствія, что Урусъ во всякомъ случаѣ одолѣетъ и что поэтому не стоить и думать о какихъ-нибудь новыхъ мѣрахъ для усиленія обороны. Все равно, судьбы не обойдешь, велѣнія Аллаха не измѣнишь.

Но не такъ думалъ Алаяръ.

Ему все еще казалось возможнымъ оживить этихъ полумертвыхъ, забытыхъ людей, извлечь изъ нихъ, изъ опытности ихъ въ боевой службѣ, все чего недоставало въ немъ самомъ и вдохнуть въ нихъ духъ предприимчивости, личной самостоятельности и отваги. А потому онъ и приказалъ чтобы восемнадцатаго октября, въ десять часовъ утра, всѣ беки гарнизона собрались къ нему во дворецъ.

Зала совѣщанія, квадратная, аршинъ двѣнадцать длиной и шириной и соразмѣрно высокая, освѣщалась только двумя окнами и отворенною на галерею дверью. Не взирая на свѣтлый солнечный день, въ комнатѣ казалось темновато; въ особенности для входящаго въ нее прямо со двора, гдѣ бѣлые камни мостовой и выбѣленные стѣны сакель такъ ярко, ослѣпительно блестѣли подъ лучами южнаго солнца. Но чрезъ нѣсколько минутъ, когда глаза привыкали къ полусвѣту, можно было съ нѣкоторымъ любопытствомъ осмотрѣть какъ самую комнату, такъ и бековъ собранныхъ въ ней на совѣщаніе.

Отдѣлка стѣнъ и потолка залы представляла нѣкоторое въ своемъ родѣ изящество. Стѣны отъ полу до высоты подокопниковъ были выложены эмальированными, разноцвѣтными

изразцами; потолокъ, весь изъ тополя, былъ разрисованъ маляными красками мелкимъ узоромъ, довольно красиваго азіятскаго рисунка. Русскому человѣку, даже незнакому съ научными тонкостями архитектуры, была какъ-то ошутительна однохарактерность этихъ рисунковъ со стѣнописью древняго московскаго зодчества. Какъ-то безотчетно чувствовалось что Русскіе, жившіе еще въ теремахъ, заимствовали образцы комнатныхъ и наружныхъ украшеній во многомъ изъ Азіи, и что Средняя Азія много столѣтій тому назадъ имѣла свой, совершенно самобытный вкусъ къ изящному и свое собственное художественное развитіе.

Полъ былъ устланъ коврами бухарскими и персидскими. Въмѣсто мебели, лежали вдоль стѣнъ подушки и небольшіе матрацы обтянутые шелковою матеріей бухарскаго производства, краснаго цвѣта съ желтыми и бѣлыми узорами. На галлерей, у отворенной въ залу двери, стоялъ огромный тульскій самоваръ. Онъ пыхтѣлъ отъ вырывавшихся изъ него во всѣ отверстія паровъ. Два взрослые Сарта и мальчикъ лѣтъ двѣнадцать, всѣ трое въ неимоверно грязныхъ и рваныхъ халатахъ надѣтыхъ на голые торсы, въ грязныхъ тюбетейкахъ неопредѣленнаго цвѣта, державшихся на затылкахъ ихъ бритыхъ головъ, хлопотали около чаю. Они разливали его въ чашки, похожія величиной скорѣе на полоскательныя чѣмъ на чайныя, тѣмъ болѣе что онѣ не имѣли ручекъ. Ни блюдечекъ, ни чайныхъ ложекъ при этомъ не употреблялось.

Тутъ же на полу галлерей стояли рядомъ тарелокъ десять съ изюмомъ, конфетами, миндалемъ, леденцами, сухеными фруктами, фисташками, мелко нарубленными кусочками сахара и какими-то бѣлыми лепешками и шариками отъ которыхъ разило саломъ. Все это—и самоваръ, и тарелки, и угощенье которое на нихъ лежало, имѣло видъ лыльный, грязный, все было какъ-то сѣро, смотрѣло не вкусно.

На подушкахъ и просто на коврѣ, вдоль стѣнъ комнаты, сидѣли по восточному, поджавъ подъ себя ноги, человѣкъ двадцать. Всѣ были въ распашныхъ халатахъ, надѣтыхъ поверхъ архалуковъ или бешметовъ подпоясанныхъ ремнями. Халаты нѣкоторыхъ были украшены позументами; зато видѣлось и нѣсколько халатовъ совершенно поношенныхъ и даже грязныхъ. Почти на всѣхъ засѣдавшихъ въ собраніи были бѣлыя чалмы, съ висящими сзади, вдоль спины лопастями; на двухъ были чалмы зеленыя, признакъ что носившіе ихъ посѣтили

Мекку. Были также четверо или пятеро въ мѣховыхъ шапкахъ. Всѣ были вооружены разнообразными шашками, привѣшенными къ поясамъ; у многихъ были видны подъ халатами рукоятки кинжаловъ и приклады револьверовъ.

Смуглыя лица съ узенькими глазами и выдававшимися скулами нельзя было назвать красивыми, по крайней мѣрѣ по европейскимъ понятіямъ. Особенно неприятное впечатлѣніе производили много лицъ обезображенныхъ оспой и поразительный недостатокъ растительности на щекахъ и подбородкахъ. Если у нѣкоторыхъ и были бороды, то самыя щедушныя. Усы покрывали верхнюю губу тонкою чертой, замѣтною только потому что цвѣтомъ полоска эта была очень черна.

Около часу велъ рѣчь свою Алаяръ-ханъ. Какъ всегда бываетъ съ Азіятцами, онъ началъ чуть не съ Адама, какъ можно дальше отъ главнаго предмета, ради котораго и произнесена была вся рѣчь. Тихо, осторожно и незамѣтно переходя отъ одной мысли къ другой, довелъ онъ наконецъ рѣчь свою до объявленія всѣмъ присутствующимъ именемъ эмира что онъ почитетъ ихъ скотами, недостойными предстать предъ свѣтлыя и грозныя очи ихъ повелителя, если они не отобьютъ Уруса отъ крѣпости.

Нѣсколько разъ въ теченіе рѣчи онъ прерывалъ ее и умолкалъ на время, какъ бы вызывая слушателей на замѣчанія, или на противорѣчіе, но ни кто ему не отвѣтилъ.

Молча слушали члены собранія слова Алаяра. Уже по третьей чашкѣ чаю одолѣвали они. Въ комнатѣ становилось нестерпимо душно, жарко. Безпрестанно то тотъ, то другой изъ сидящихъ, отодвинувъ чалму на затылокъ, утиралъ платкомъ, а иные и полою халата вспотѣвшее лицо и бритую голову; но ни жара, ни слова Алаяра, ни серьезность обстоятельствъ ничѣмъ не отражались на ихъ неподвижныхъ лицахъ. Глядя на нихъ, дѣйствительно можно было повѣрить что въ мозгу ихъ все уже рѣшено давно и окончательно, и не ими самими, не собственнымъ мышленіемъ, а какъ-то свыше и непременно, такъ что принимать какія-либо мѣры для лучшаго веденія дѣла было бы совершенно напрасно. Что ни говори, что ни дѣлай,—все равно судьбы не обойдешь, ясно было написано въ задумчивыхъ глазахъ и грустныхъ улыбкахъ большинства изъ нихъ.

Видя невозможность найти желающихъ добровольно, по собственной инициативѣ высказать свое мнѣніе, Алаяръ

рѣшилса обратиться съ волпросами прямо, непосредственно къ лицу каждаго изъ нихъ, и обратясь къ Якубъ-беку:

— Якубъ, сказалъ онъ,—ты здѣсь начальникъ крѣпости, что жь ты молчишь? Именемъ могущественнаго нашего эмира, Сеидъ-Музаффаръ-хана, приказываю тебѣ развязать языкъ твой, пускай онъ выскажетъ намъ что мыслить голова твоя.

Якубъ-бекъ нисколько не растерялся. Какъ будто приготовленный заранѣе къ необходимости высказать какое-нибудь мнѣніе, онъ началъ тоже издалека съ подобающими такому случаю витіеватостію рѣчи и отборностію выраженій. Вынужденный говорить о матеріяхъ важныхъ предъ публикой или предъ начальствомъ, ни одинъ Азіятецъ не позволить себѣ говорить языкомъ обыкновеннымъ. Въ этихъ случаяхъ онъ считаетъ долгомъ, изъ учтивости, или изъ желанія лучше скрыть настоящую мысль свою, испещрять рѣчь выраженіями самыми отборными, прибѣгать безъ малѣйшей надобности къ сравненіямъ самымъ натянутымъ и всѣ имена прилагательныя употреблять не иначе какъ въ превосходной степени сравненія. Конечно, все это выходитъ и длинно, и скучно, и глупо, но заставить его сойти съ этихъ ходулей нѣтъ возможности.

Такъ поступилъ въ этомъ случаѣ и Якубъ-бекъ. Проговоря самую напыщенную похвалу эмиру и Алаяру и отчасти самому себѣ за отбитіе отъ Джузака русскаго отряда, онъ, въ заключеніе своего длиннаго панегирика, выговорилъ коротко, въ выраженіяхъ болѣе понятныхъ, тотъ постъ-скриптумъ для покрытія коего, какъ бы туманомъ, служило все прежнее словоизверженіе и въ которомъ заключался центръ тяжести всей рѣчи.

— Надо, сказалъ онъ,—не только отбить гяуровъ отъ стѣнъ нашей крѣпости, но для вѣчнаго ихъ посрамленія надо отогнать ихъ за Сыръ-Дарью. У насъ двѣ тысячи Сарбазовъ, болѣе тысячи Туркменъ, на лучшихъ коняхъ, триста Афганцевъ, умѣющихъ хорошо управлять пушками. Возьмемъ лучшихъ нашихъ батырей и со всѣмъ этимъ войскомъ ударимъ на лагерь гяуровъ. Убѣжить Урусъ со стыдомъ и съ бритыми бровями за Сыръ-Дарью.

„Должно-быть думаетъ воспользоваться суматохой сраженія въ полѣ и убѣжать куда-нибудь подальше, но конечно уже не къ эмиру въ ланы“, мелькнуло въ головѣ Алаяра и вѣроятно въ головахъ многихъ изъ присутствовавшихъ.

— Не скажешь ли ты чего-нибудь, всѣми чтимый Юсуфъ-бекъ? Жаждемъ услышать отъ тебя мудрое слово твое. Ты сопровождалъ нашего всемилостивѣйшаго повелителя въ посыланьемъ его походѣ, видѣлъ кровавое дѣло подъ Ирджарой и потому можешь быть судьей въ дѣлѣ боевомъ, выговорилъ Алаяръ обратясь къ сѣдому, лѣтъ семидесяти старику въ зеленой чалмѣ.

— Удивляюсь я словамъ твоимъ, Якубъ, сказалъ старикъ Юсуфъ.—Развѣ не знаешь ты что по твоему же наущенію сорокъ тысячъ нашего войска окружали небольшую кучку Урусовъ подъ Ирджарой; ихъ не было и трехъ тысячъ, а убѣжали не они и бровей себѣ не брили. Не ошибся нашъ премудрый и высокій повелитель, приказавъ намъ биться за стѣнами крѣпости. За стѣной, стоя на своихъ двухъ ногахъ, наши люди дерутся упорнѣе чѣмъ въ полѣ на конѣ. Чувствуя вѣрнаго коня подъ собой, человекъ невольно поддается соблазну, да и привычка скакать такъ велика. Намъ повелѣно защищать крѣпость, пока стѣны ея на насъ не обрушатся, и мы по волѣ Аллаха и по словамъ священнаго Корана должны исполнить приказаніе нашего владыки и умереть защищая Джузакъ.

— Правда, истинная правда говорить устами твоими, почтенный Юсуфъ! воскликнулъ Карау-бекъ, молодой, тридцатилѣтній Узбекъ, болѣе словоохотливый, нежели товарищи его.—Не разъ ужъ принималъ я участіе въ кровавыхъ дѣлахъ съ солдатами Бѣлаго Царя. Пока стрѣляютъ они можно еще вынести; но когда они съ бѣлою шапкой на затылкѣ, съ огнемъ въ выпученныхъ глазащахъ кричатъ ура и стѣной идутъ на васъ со штыкомъ впередъ, что жъ дѣлать тогда? чѣмъ остановить? Такъ вотъ и тянетъ сбросить поскорѣе обувь, да и бѣжать какъ можно дальше*.

— Чинить бы надо, Алаяръ, стѣны, началъ говорить одинъ изъ присутствующихъ,—какъ приготовить себѣ Урусъ ядрами ворота, да какъ...

Въ эту минуту какъ помѣшанный вбѣжалъ въ комнату молодой Сартъ.

— Урусъ пошелъ на стѣну, крикнулъ онъ и убѣжалъ.

Послышалась учащенная перестрѣлка. Всѣ остолбенѣли на своихъ мѣстахъ; первымъ пришелъ въ себя Алаяръ-ханъ. Онъ быстро вскочилъ на ноги.

* Подлинныя слова Карау-бека слышанныя отъ него авторомъ.

Нѣкоторые начинали уже снимать съ себя обувь, другіе вставали не торопясь.

— Ступайте всѣ на стѣну! крикнулъ Алаяръ своимъ звонкимъ металлическимъ голосомъ,—исполняйте волю нашего повелителя!.. Я спѣшу туда же, и да свершится надъ нами воля Аллаха.

Съ этими словами онъ выбѣжалъ на галерею.

За нимъ вышли всѣ.

IV.

На галереѣ и на дворѣ было пусто. Всѣ жители дворца взобрались на плоскія крыши сакель, и тамъ сильно жестикулируя и грѣмко говоря, всѣ сразу и не обращаясь ни къ кому въ частности, выражали словами впечатлѣнія производимыя на нихъ видомъ начинающагося штурма. На лицахъ всѣхъ изображался ужасъ, всѣ были въ страшномъ волненіи.

Часть плоской крыши надъ комнатами служившими квартирой Алаяру была въ послѣднее время поднята по его приказанію немного выше кровли другихъ покоевъ и окружена легкою балюстрадой. Тентъ изъ зеленой парусины съ раскрашенною различными узорами и цвѣтами подкладкой натянутъ былъ на высокихъ палкахъ въ видѣ палатки надъ крышей которая принимала при такомъ убранствѣ видъ довольно красивой террасы. Въ хорошую погоду полъ ея покрывался коврами, и она украшалась кое-какою мебелью. Внутренняя лѣстница соединяла ее съ комнатами Анумати.

Алаяръ невольно обратилъ взоры на крышу. Его вниманіе привлечено было кучками стоявшихъ на ней жителей дворца. Прямо передъ собой на террасѣ увидѣлъ онъ стройную фигуру Анумати.

Она стояла неподвижно какъ статуя, глядя упорно въ одну точку широко раскрытыми, испуганными глазами, и такъ была блѣдна что лицо ея мало отличалось отъ бѣлаго прозрачнаго покрывала въ которое вся она завернулась съ головой.

На шагъ позади ея, но сбоку стоялъ негръ Алаяра. Одною рукой держалъ онъ индійскій зонтикъ надъ головой госпожи, а другую руку поднималъ къ бровямъ своимъ, защищая отъ лучей солнца глаза упорно устремленные въ ту же сторону куда смотрѣли глаза Анумати.

— Веди скорѣе осѣдланыхъ лошадей, крикнулъ негру Алаярь, перебѣгая дворомъ въ свои покои.

Послѣнно сложивъ зонтикъ, негръ сбѣжалъ съ террасы, но Анумати ловидимому и не слышала голоса мужа. Ему показалось даже что она отшатнулась отъ балюстрады и вскрикнула.

Еще минутъ за десять предъ тѣмъ вышла Анумати на террасу вызванная услуганнымъ негромъ. Съ мѣста гдѣ она стояла видна была какъ на ладони картина начавшагося штурма.

Саженьяхъ въ восемьдесятъ отъ наружной стѣны крѣпости на окраинѣ садовъ, гдѣ были русскія батареи и траншеи, стояли на всѣхъ насыпяхъ, на крышахъ сосѣднихъ сакель, даже на сучьяхъ деревьевъ, ближайшихъ къ батареямъ, русскіе солдаты въ бѣлыхъ рубашкахъ; такихъ же бѣлыхъ рубахъ лежало не мало распростертыми на землѣ между наружною стѣною крѣпости и садами. Пространство это только-что пробѣжали штурмующія колонны. По пути онѣ оставили за собою лежащими тѣхъ кому уже не суждено было подняться. На верху крѣпостной стѣны не было еще видно бѣлыхъ солдатъ, тамъ толпились и мелькали съ мѣста на мѣсто красные кафтаны сарбазовъ и темные халаты Сартовъ. Вдоль стѣны непрерывно сверкали ружейные выстрѣлы, и клубы бѣлаго дыма извергались артиллерійскими орудіями. Трескотня ружейной перестрѣлки и оглушительный грохотъ пушечной пальбы не прекращались ни одну секунду. Но не взирая на постоянные раскаты этого грома и одновременно съ ними слышенъ былъ какъ бы стоящій въ воздухѣ непрестанный гулъ отъ криковъ и возгласовъ многотысячной толпы. Пороховой дымъ начиналъ уже застилать мѣстность отъ взорвѣ Анумати, но тамъ и сямъ неожиданно разрывалась бѣлая завѣса, и въ образующейся прогалинѣ видѣлась частичка голубаго неба, окаймленная какъ рамой бѣлымъ дымомъ. На голубомъ фонѣ неба, въ этихъ подвижныхъ, на короткое время появляющихся рамахъ, явственно обрисовывались фигуры лицъ дѣйствующихъ въ той потрясающей драмѣ которая называется штурмомъ крѣпости. Остолбенѣла отъ ужаса красавица, жена Алаяря, не въ силахъ она отвести глазъ отъ страшной картины...

Вотъ разсѣялся дымъ надъ Самаркандскими воротами. Открылась та часть стѣны что уже со вчерашняго вечера на половину обвалилась отъ русскихъ выстрѣловъ, — и видѣть

Анумати какъ словно взлетѣлъ на верхъ обвала стройный, весь одѣтый въ бѣломъ, русскій офицеръ. Обнаженная шашка въ его рукѣ блеститъ на солнцѣ. Обликъ храбреца такъ отчетливо рисуется на синевѣ южнаго неба. Не успѣлъ онъ показаться на верху обвала какъ наскочилъ на него въ темномъ халатѣ Сартъ съ какимъ оружіемъ въ рукѣ. Блеснулъ огонекъ въ поднятой рукѣ офицера, и Сартъ упалъ къ его ногамъ, лицомъ къ землѣ. Быстро, на одно мгновеніе повернулъ офицеръ голову назадъ и, махая шашкой, какъ бы подзывалъ къ себѣ идущихъ за нимъ людей; но никого изъ нихъ не было еще видно съ террасы дворца. Только двѣ, три секунды стоялъ офицеръ съ обернутою назадъ головой, но этимъ мгновеніемъ воспользовался красный сарбазъ и вонзилъ длинную пику въ бокъ офицера.

Анумати видѣла какъ внезапно поднялись обѣ руки офицера, какъ онъ опрокинулся назадъ, и бѣлая фуражка упала съ головы его... Молодая женщина закрыла глаза и прижала къ нимъ обѣ свои руки, какъ бы защищая ихъ отъ возможности видѣть еще подобныя ужасы. Дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу, ей показалось что волосы на головѣ становятся дыбомъ; предъ усиленно-сжатыми глазами рисуется зеленое пятно той же формы какую имѣла только что видѣнная ею картина, и посреди зеленого пятна кроваво-красный обликъ офицера опрокидывающагося назадъ съ поднятыми руками и съ ликой въ боку...

Въ эту минуту вбѣжалъ на террасу Алаяръ, уже вооруженный, готовый къ бою.

Увидя жену смертельно блѣдною, безсознательно стоящую съ прижатыми ко глазамъ руками, готовою упасть, онъ тихо отвелъ руки ея, положилъ ихъ къ себѣ на плечи и, обнявъ ее за талию, снесъ къ низкому дивану, стоявшему во глубинѣ террасы. Осторожно уложилъ онъ ее на подушкахъ дивана, сталъ у изголовья на колѣна и молча, съ выраженіемъ глубокаго страданія не сводилъ глазъ съ лица, которымъ въ теченіе столькихъ лѣтъ не могъ достаточно налюбоваться. Голоть лошадиныхъ копытъ о мостовую двора и гудосъ негра звавшій Алаяра вывели его изъ забытья.

Тогда, обнявъ руками станъ и плечи любимой женщины, онъ наклонилъ лицо къ лицу Анумати, долгимъ, страстнымъ поцѣлуемъ прижалъ губы къ ея поблѣднѣвшимъ полуоткрытымъ губамъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ прошепталъ

нѣсколько словъ, приблизивъ ротъ къ самому уху ея, и блѣдный какъ полотно, но съ виду совершенно спокойный сошелъ съ террасы. Было въ осанкѣ этого человѣка идущаго въ бой что-то величественное, внушающее почтеніе и даже страхъ; къ выраженію глубокой скорби въ нахмуренныхъ бровяхъ, въ складкахъ кожи на лбу, въ стиснутыхъ губахъ, примѣшивался видъ твердой рѣшимости и того мужественнаго спокойствія съ которымъ люди выдающіеся душевными качествами изъ общей посредственности идутъ полные жизни и здоровья на встрѣчу смерти, когда того требуетъ долгъ и честь ихъ. Онъ имѣлъ видъ человѣка уже мысленно закончившаго расчеты съ земною жизнью и смотрящаго на дразги и мелочи ея съ высоты иного міра.

Анумати оламятовалась. Она постепенно приходила въ себя, но не могла еще связать разсѣянные мысли, не могла объяснить себѣ что произошло съ ней и долго ли продолжалось ея безсознательное состояніе. Какъ-то смутно, неясно вспоминалось ей что за нѣсколько минутъ былъ тутъ мужъ ея, что онъ шепотомъ произнесъ на прощанье нѣсколько словъ исполненныхъ любви и страданья...

И вдругъ въ головѣ ея блеснула увѣренность что онъ пошелъ навстрѣчу смерти.

„Какъ могла я, говорила она сама себѣ, такъ мало цѣнить душевный покой этого человѣка!... какъ безжалостно мучила я его, сама того не замѣчая!... Недостойна я такой любви.“

Невольно вспомнила она первую встрѣчу, ихъ обоюдное увлеченіе, жгучую страсть овладѣвавшую обоими, потомъ минуты блаженства прожитыя съ мужемъ, наконецъ его страданія, отчаяніе,—и безпредѣльно жаль стало ей и самой себя, и Алаяра, и утраченной жизни.

Но съ тѣмъ вмѣстѣ возвратилось и сознаніе тѣхъ ужасовъ, тѣхъ невѣроятно страшныхъ событій которыя совершались предъ ея глазами, того ада который она только что видѣла и посреди котораго находится теперь Алаяръ. Не взирая на душевную муку, которую ощущала она лишь только представлялось ей все ею видѣнное, и на то потрясающее впечатлѣніе ужаса произведенное на нее картиной штурма, а можетъ-быть и потому что душа ея съ самаго дѣтства жаждала сильныхъ ощущеній, она послѣшно встала съ дивана, подошла къ балюстрадѣ и обратила вновь упорные взоры къ тому пункту гдѣ не задолго предъ тѣмъ видѣла какъ красный сарбазъ вонзалъ пику въ бокъ офицера.

Она увидѣла что вся часть наружной стѣны отъ воротъ Ура-Тюбинскихъ до воротъ Самаркандскихъ и все пространство между первую и второю стѣнами, гдѣ стояли лагерь сарбазы и гдѣ она видѣла еще вчера вечеромъ палатки солдатъ и зеленые шатры бековъ, были покрыты непроницаемою тучей дыма и густой пыли. Въ этой страшной мглѣ непрерывно мелькали огоньки выстрѣловъ ружейныхъ и пушечныхъ. Что происходило подъ покровомъ грозной тучи—разсмотрѣть было невозможно; за то тѣмъ болѣе ужасовъ рисовало ея воображеніе. Конечно, смерть во всѣхъ видахъ царилла въ этомъ тѣсномъ пространствѣ, биткомъ набитомъ тысячами вооруженныхъ людей, столкнувшихся тутъ для взаимнаго истребленія. Ей показалось даже что въ этомъ немолчаемомъ голосѣ массы людей она отличаетъ раздѣльные крики сражающихся и стоны раненыхъ и умирающихъ. Изъ неподвижной сѣрой тучи закрывающей весь этотъ адъ тихо подымались въ воздухѣ клубы бѣлаго порохового дыма. Въ медленномъ движеніи своемъ они принимали всевозможныя формы, образуя на нѣсколько мгновеній какъ бы очертанія бѣлыхъ огромныхъ привидѣній парящихъ надъ царствомъ смерти, затѣмъ, безпрестанно измѣняя форму, подымались все выше и выше, рѣдѣли, становились все прозрачѣе и наконецъ исчезали въ атмосферѣ.

Слѣдя за ними, взоры Анумата поднялись тоже къ небу, невольно мысли обратились къ Творцу всего существующаго, и губы ея шептали:

— О Брама, богъ созданія и всякаго начала и ты, Шива, все разрушающій и непрерывно обновляющій, остановите, вразумите этихъ злыхъ людей, они хуже тигровъ моей родины!

И долго, подъ звуки выстрѣловъ и криковъ людей, звѣрски уничтожающихъ другъ друга, шептали молитву поблѣдившія губы молодой Индіянки. Когда глаза ея вновь опустились къ землѣ, вниманіе ея привлекъ на себя Сартъ выбѣжавшій изъ тѣсной улицы города на площадь подъ горой цитадели. Со страхомъ озирался назадъ, онъ тутъ же бросилъ на землю ружье, бывшее у него въ рукахъ и, приподнявъ полы халата, пробѣжалъ мимо цитадели. Слѣдя за нимъ, она отвела глаза отъ мѣста гдѣ разрѣшалась въ эту минуту судьба Джузака, приподняла немного боковую полость палатки и бросила взглядъ кругомъ цитадели. Ее поразила та картина мира и спокойствія которую представляла городъ, неатакованныя стѣны крѣпости

сти и еады оставшіеся незанятыми русскими войсками. Полное затишье лежало на всей окрестности, какъ будто неизмѣримое разстояніе и много времени отдѣляли ее отъ той части крѣпости гдѣ стояла туча дыма и совершалось дикое истребленіе людей.

Тамъ зіялъ адъ, тамъ гибли тысячи человѣческихъ жизней, тамъ годы переживались въ одну минуту, всѣ кровожадные инстинкты животной натуры необузданно, открыто предавались свободному разгулу, а здѣсь, рядомъ, все оставалось такъ тихо, мирно и спокойно. Сакали, мечети, бѣлые заборы улицъ все стоитъ какъ стояло уже столько времени и все такъ же ярко, такъ же любовно залито свѣтлыми лучами солнца... Вотъ на дворѣ стоитъ теленокъ, кажется и онъ прислушивается къ грохоту выстрѣловъ, а тамъ куры роются въ кучѣ навоза; лошакъ, задумчиво отмахивая мухъ хвостомъ, неопредѣленно смотритъ на пустую улицу; дѣти играютъ въ пескѣ... Вонъ бѣжитъ по улицѣ другой Сартъ, онъ безоруженъ. Безъ обуви, поднявъ полы халата на плечи, съ голою, бритою головой, ярко освѣщенной лучами солнца, онъ слѣшитъ къ своему дому, вбѣгаетъ въ калитку, торопясь запираетъ ее и придвигаетъ еще арбу къ калиткѣ, какъ будто запертые засовы и легкая арба спасутъ его и семью... А вонъ и еще двое выбѣгаютъ изъ улицъ, за ними еще и еще, — цѣлыми кучками начинаютъ они пробѣгать по площади, мимо цитадели. Что же это? Неужели нѣтъ надежды спасти крѣпость? неужели бѣлые солдаты одолѣли? Бѣгутъ защитники Алаяра. Они оставляютъ его одного, потому что онъ не сойдетъ со стѣны. Глаза Анумати устремились вновь на грозную, кровавую тучу, она хочетъ проникнуть ее уловнымъ взоромъ чтобъ увидать Алаяра. Вдругъ, видитъ она, изъ середины тучи высоко взлетѣло на воздухъ большое круглое облако бѣлаго дыма, а за нимъ быстро поднялись вверхъ, словно струями или лучами, массы земли, камней и пыли. Эта сѣрая масса продѣржалась одно мгновеніе въ воздухѣ и снова осѣла въ тучу пыли и дыма... Дрогнувъ домъ, затрясся полъ на которомъ стояла Анумати и раздался страшный, громовый ударъ, какъ бы исходящій изъ нѣдръ земли: то былъ взрывъ большого порохового погреба, въ воротахъ Ура-Тюбинскихъ.

Анумати почувствовала какъ будто сердце у нея упало... Мысль о мужѣ, какая-то непреодолимая, неотвязная мысль о томъ что вотъ именно теперь, съ этимъ взлетѣвшимъ

высоко бѣлымъ облакомъ, улетѣла и жизнь Алаяра—мгновенно озарила ея голову, вкоренилась въ ея сердце, обратилась въ непреложную увѣренность, въ несомнѣнную истину. Смерть его она какъ будто видѣла, слышала и осязала. Горькія слезы незамѣтно для нея самой неудержимо текли по ея щекамъ...

Между тѣмъ уже цѣлыя толпы лѣшихъ Сартовъ лѣшкомъ и конныхъ Туркменъ выбѣгали и выскакивали съ дикими криками изъ улицъ города на площадь цитадели; они поднимали за собою густое облако пыли, которое при совершенномъ безвѣтріи такъ и стояло не расходясь въ воздухъ. Ружейные выстрѣлы раздавались все ближе и громче, наконецъ у выходовъ улицъ начали появляться посреди облака пыли солдаты въ бѣлыхъ одеждахъ.

Анумати поразило спокойствіе этихъ людей послѣ бѣшеной скачки и дикаго воя пробѣжавшихъ мимо цитадели въ полномъ безпорядкѣ Сартовъ и Туркменъ. Медленно, но неотразимо подвигалась впередъ цѣль бѣлыхъ людей,—видно было что одна мысль, одна воля вела ихъ. Пройдя нѣскольکو шаговъ, каждый изъ нихъ останавливался и прикладывался къ ружью. Мелькалъ огонекъ, слѣдовалъ выстрѣлъ. Пули начинали свистать около стѣнъ дома, но Анумати не трогалась съ мѣста. Никакого отчета не отдавала она себѣ ни въ томъ что происходило вокругъ нея, ни въ томъ что дѣлалось съ нею...

Нѣсколько пуль пролетѣли совсѣмъ близко надъ ея головой то свистя какимъ-то фальцетомъ, то гудя басовыми тонами. Анумати не была знакома съ этою музыкой, она не знала что отъ нея люди умираютъ. Хотя невольно наклоняла она голову, когда свистъ пули раздавался надъ нею, и хотя мысль объ опасности не покидала ее, она не сходила съ террасы.

„Его убили, я вдова его и должна умереть“, думалось ей, „но не здѣсь, не теперь еще, потомъ, когда увижу бездыханное тѣло убитаго мужа, когда не будетъ оставаться никакой надежды“. Сама неотразимая рука Шивы, духа всѣхъ перемѣнъ и преобразованій, ведетъ этихъ бѣлыхъ людей, шелтала она, видя что изъ улицъ города вышла на площадь стройная масса солдатъ и быстрыми шагами приближалась къ цитадели.

Впереди солдатъ шелъ высокій худощавый офицеръ съ рыжею бородой, съ обнаженною саблей въ рукѣ, въ бѣлой

фуражкѣ и съ желтымъ башлыкомъ, перевязаннымъ крестомъ на груди поверхъ бѣлаго кителя, запыленного и закопченнаго пороховымъ дымомъ.

Трудно объяснить почему въ минуты самыя критическія и въ особенности въ виду неизбежно грозящей опасности не рѣдко вниманіе человѣка обращается съ особымъ тщаніемъ, какъ бы исполняя нѣкую обязанность, къ какому-либо предмету совершенно постороннему и изучаетъ его во всей подробности. То же было и съ Анумати. Съ особымъ вниманіемъ разсмотрѣла она всѣ подробности одежды офицера и такъ же тщательно начала разсматривать вѣхавшаго позади верхомъ на ворономъ конѣ, почти наравнѣ съ фронтомъ солдатъ, человѣка одѣтаго совсѣмъ не такъ какъ были одѣты всѣ прочіе.

„Какъ похожъ... на того“, подумала Анумати, „на Англичанина...“

И не dokonчила мысли, почувствовавъ какъ бы толчекъ въ лѣвой сторонѣ груди и легкую боль въ спинѣ. Она взялась за грудь рукой, что-то теплое, клейкое коснулось ея пальцевъ; взглянула на руку и увидѣла алую, свѣжую кровь. Тонкая струйка ея спускалась вдоль бѣлой туники...

При видѣ крови у молодой женщины закружилась голова, ноги подкосились, она сперва сѣла на коверъ, опираясь на одну руку и приложивъ другую къ ранѣ; затѣмъ, съ неопредѣленною мыслию о домѣ отца и объ Англичанинѣ, тихо и безмолвно олустила голову на коверъ, вздохнула и лишилась чувствъ.

V.

Въ это время роты одного изъ Оренбургскихъ баталіоновъ занимали безо всякаго сопротивленія цитадель Джусака. Офицеръ на котораго съ такимъ вниманіемъ смотрѣла Анумати былъ всѣми любимый и уважаемый, рыцарски храбрый командиръ баталіона, а мущина вѣхавшій позади его на ворономъ конѣ былъ дѣйствительно Англичанинъ Уильямъ Гибсонъ.

Въ отрядѣ оный былъ извѣстенъ подъ именемъ Василія Федоровича Безсонова и отзывался на эту кличку.

Не успѣли еще побѣдители проникнуть во всѣ комнаты дворца какъ на дворъ цитадели вѣхалъ генераль Д***, командовавшій тою частью отряда русскихъ войскъ которая первая вошла въ крѣпость и заняла цитадель.

Со всѣхъ сторонъ раздавались шумныя взаимныя поздравленія.

По порученію главнаго начальника войскъ, генеральъ благодарилъ офицеровъ и солдатъ баталіона за молодецкое дѣло и поздравлялъ ихъ съ побѣдой.

Солдаты отвѣчали громкими кликами, на многихъ лицахъ, сѣрыхъ отъ пыли и пороховаго дыма, показались слезы счастья и восторга.

— Ваши роты, сказалъ генеральъ обращаясь къ командиру баталіона, — первыя вошли въ цитадель, а потому кого-либо изъ вашихъ офицеровъ я хотѣлъ бы представить главному начальнику войскъ для назначенія комендантомъ Джузака. Выберите, любезный другъ, кого-либо изъ строгихъ, аккуратныхъ и дѣятельныхъ офицеровъ, чтобы скорѣе возстановить здѣсь порядокъ.

— Майоръ Биркенфельдъ, пожалуйста къ его —ству, крикнулъ командиръ баталіона и въ полголоса прибавилъ, поднимая голову какъ можно ближе къ уху генерала бывшаго еще на лошади: — не чисто говорить по-русски ваше —ство, но добросовѣстный и хорошій служака.

Избранный на должность коменданта напоминалъ своею фигурой букву I. Въ немъ все было какъ-то длинно, узко и вытянуто: и ростъ, и худощавое лицо, и въ особенности шея, руки, ноги и усы. Безконечныя ноги его точно начинались отъ самой талии. Онъ былъ въ золотыхъ очкахъ, имѣлъ нѣмецко-чухонскую фізіономію, рѣдкую и рыжую шевелюру, длиннѣйшіе, доходившіе до половины груди совершенно рыжіе усы и красный носъ.

Рѣдко кто былъ такъ любимъ товарищами какъ онъ, хотя и служилъ постояннымъ предметомъ шутокъ и армейскихъ остроумствъ, преимущественно за смѣшныя обороты его русскаго языка.

— Ты пришелъ изъ фатерланда, глумились надъ нимъ товарищи, — безъ провіантскаго сакъ-воляжа и *босикомъ* на головѣ.

Барона увѣрили что отсутствіе волосъ на черепѣ называется на чисто русскомъ языкѣ „босикомъ на головѣ“, а провіантскимъ сакъ-воляжемъ называютъ животъ въ нѣкоторыхъ частяхъ глубокой арміи, служащихъ на окраинахъ Россіи.

— Сейчасъ же сдѣлайте должныя распоряженія, продолжалъ генеральъ Д***, обращаясь къ Биркенфельду, — пошлите

офицера съ тремя барабанщиками и горнистами на крышу цитадели, а потомъ и по улицамъ города, пускай вездѣ бьютъ отбой и сборъ. Прикажите тщательно осмотрѣть всѣ уголки этого дворца, нѣтъ ли тутъ склада пороха или патроновъ, поставьте гдѣ нужно караулы и придите доложить мнѣ о томъ что окажется. Да ведите хорошенько посматривать, не ѣдетъ ли главный начальникъ войскъ и предупредите меня заранѣе когда его —ство будетъ подъѣзжать къ цитадели.

Затѣмъ генераль, видимо усталый, слѣзъ съ лошади и пожелалъ войти въ какую-нибудь комнату дворца. Ему указали на ту самую залу гдѣ не болѣе трехъ часовъ тому назадъ происходило совѣщаніе бековъ. У дверей залы стоялъ тотъ же огромный самоваръ, но уже безжизненный, холодный, а въ залѣ на коврѣ остались чашки изъ которыхъ пили чай беки, бывшіе тутъ на совѣщаніи. Не прошло трехъ часовъ, а почти всѣ участвовавшіе въ совѣщаніи лежали уже холодными, обезображенными трупами на стѣнахъ отнятой у нихъ крѣпости. Погасли они также скоро какъ погасъ ихъ самоваръ.

Съ генераломъ вошли въ залу человекъ четыре изъ старшихъ; остальные расположились въ тѣни галлерей на коврахъ, подушкахъ, чепракахъ, одѣялахъ, матрацахъ и халатахъ найденныхъ въ комнатахъ дворца.

Сюда безпрерывно прибывали служащіе въ главной квартирѣ и состоящіе при главномъ начальникѣ войскъ, который объѣзжалъ въ это время стѣны завоеванной крѣпости и другія части отряда. Всѣмъ приказано было собраться въ цитадель, куда долженъ былъ прибыть его —ство по объѣздѣ города и крѣпости.

Между собравшимися на галлерей тотчасъ же началась оживленная веселая бесѣда. Офицеры участвовавшіе въ штурмѣ передавали другъ другу различные эпизоды его. Разказывали въ сотый уже разъ геройскій подвигъ Кузьминскаго, раненаго пикой на штурмѣ Самаркандской брешы, и въ сотый разъ украшали разказъ этотъ необычными подробностями; говорили о необыкновенной храбрости поручика А*** вмѣстѣ съ Кузьминскимъ лежащаго теперь на перевязочномъ пунктѣ; о хладнокровіи выказываемомъ въ самыя опасныя минуты командиромъ баталіона, о мужествѣ, знаніи дѣла и распорядительности всѣми любимаго и уважаемаго полковника З...ва, командовавшаго артиллеріей при осадѣ и о необыкновенно успѣшномъ дѣйствіи нашихъ орудій.

Обыкновенно послѣ жаркаго боя языки развязываются.

Поодаль отъ молодыхъ офицеровъ собралась компанія штабныхъ. На огромной красной подушкѣ сидѣлъ врачъ главной квартиры Дг. Рыбинъ и курилъ сигару. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ на коврѣ артиллерійскій подполковникъ Семень Семеновичъ Лавровскій, очень худощавый и высокій, съ необыкновенно длиннымъ носомъ. По другую сторону доктора полулежалъ, опершись на локоть, длинноволосый, но безъ усовъ и бороды, чиновникъ въ синихъ очкахъ, Пономаревъ, одѣтый въ форменный сюртукъ, какой въ то время носили гражданскіе чиновники Военнаго Министерства. Противъ него, опершись спиной въ колонку галереи, сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги по восточному, другой чиновникъ того же Министерства, очевидно выслужившійся изъ писарей, сутуловатый, рябой и лысый. Рядомъ съ нимъ, тоже опираясь на деревянную колонку галереи, сидѣлъ лѣхотный армейскій капитанъ Якунчиковъ, съ коротенькою солдатскою трубкой, или, какъ ее называютъ, носогрѣйкой въ зубахъ. Онъ служилъ по интендантской части. Якунчиковъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей о которыхъ можно сказать только огульно что имъ между двадцатипятью и сорокалѣтнью годами. Нельзя было по физіономіи его опредѣлить даже приблизительно его года, да и по разговору тоже, потому что говорилъ онъ очень неохотно, самъ почти никогда не обращался ни къ кому съ вопросами, а ограничивался только отвѣтами на предлагаемые ему вопросы, да и то въ возможно сжатой формѣ, слогомъ телеграфныхъ депешъ. Но въ отрядѣ его знали, любили и уважали. Между офицерами онъ пользовался заслуженною репутаціей честнаго и чрезвычайно добраго человѣка. Любило его и начальство за ревностную дѣльную работу, любили и солдаты за то что онъ о нихъ заботился и былъ очень набоженъ. Весь отрядъ звалъ его не по фамиліи, а по имени и отчеству. Многимъ не была даже извѣстна фамилія Якунчиковъ, но всѣ знали кто такой Иванъ Андреичъ.

— Интересное психологическое явленіе представляетъ этотъ Кузьминскій, говорилъ Дг. Рыбинъ Пономареву.

— Ничего не вижу въ немъ интереснаго и еще менѣ психологически интереснаго, отвѣтилъ Пономаревъ.

— Да какъ, почтеннѣйшій, не интересно! Этакая, извольте видѣть, непреодолимая страсть къ этой мерзости, которая называется войной. Изъ чего, скажите пожалуйста, лѣзетъ

этотъ человѣкъ? Охота воспринимать такія удовольствія какъ пику въ бокъ или пулю въ животъ! Вѣдь, чортъ возьми, больно! Желалъ бы знать увлекаются ли такого сорта люди непомернымъ честолюбіемъ, желаніемъ прославить себя, или страстью къ риску, какъ увлекаются карточные игроки?

— Пустое чванство неразвитыхъ мозговъ, докторальнымъ тономъ произнесъ чиновникъ.—Захотѣлось ему георгиевскаго крестика, безъ него видите ли уваженія не оказываютъ, ну и лѣзетъ, и воспринимаетъ всякія угощенія въ видѣ пикъ и пуль.

— А должно-быть они крестъ-то получаютъ, вмѣшался въ разговоръ другой чиновникъ Военнаго Министерства изъ писарей.

— Получить, непременно получить, отвѣтилъ разсѣянно докторъ и, глядя пытливо на молодого человѣка въ синихъ очкахъ, спросилъ его: — Что же это вы, Пономаревъ, такъ ужъ злобно улыбаетесь?

— Дивлюсь пошлости людей; пора покончить со всѣми этими унижительными отличіями и безобразіями отжившей рутины, произнесъ Пономаревъ съ высокомерною усмѣшкой.

— Да чѣмъ же, скажите, двинете вы этихъ людей на штурмъ какъ не обѣщаніемъ наружныхъ, всѣми видимыхъ отличій? Не краснорѣчивыми же рѣчами вашей братьи?

— Въ томъ-то и штука что ни чѣмъ и двигать-то ихъ не надо, сами двинутся безъ приказа, когда нужда приспичитъ, когда чувство самозащиты толкнетъ ихъ инстинктивно. Реальное побужденіе дастъ такой импульсъ какого фактивной игрушки не дадутъ.

Съ удивленіемъ и уваженіемъ вперилъ въ говорившаго Пономарева маленькіе зеленые глазки свой чиновникъ изъ писарей. Ни полслова не понялъ онъ изъ всего слышаннаго, но уважалъ краснорѣчіе.

Громкій вопросъ Лавровскаго прервалъ разговоръ доктора съ Пономаревымъ.

— Получено ли свѣдѣніе о томъ сколько погибло Бухарцевъ на штурмѣ? вопрошалъ онъ, не адресуясь ни къ кому изъ окружающихъ его въ частности и тономъ начальника занятого бумагами въ канцеляріи.

— Десять тысячъ, неожиданно для всѣхъ бухнулъ проходившій въ эту минуту мимо подполковника кавалерійскій офицеръ Бжозовскій, пріѣхавшій за нѣсколько дней предъ тѣмъ курьеромъ изъ Петербурга.

— Какъ десять тысячъ! воскликнули съ крайнимъ удивленіемъ нѣкоторые изъ сидѣвшихъ тутъ же:—быть этого не можетъ.

— Такъ есть, увѣренно отвѣтилъ остановившійся кавалеристъ,—знаю досконально.

— Извѣстно ли какая судьба постигла Алаяръ-хана? все тѣмъ же официальнымъ тономъ продолжалъ допрашивать Лавровскій.

— Забранъ въ плѣнъ, отвѣчалъ кавалеристъ, — я полчаса тому есть встрѣтилъ его, четыре казака конвоировали. Онъ бѣжать хотѣлъ, имѣлъ въ проектѣ принять команду надъ корпусомъ Бухарцевъ въ двадцать тысячъ, который изъ Самарканда на насъ...

— А! да вотъ пріѣхалъ Батуринь, его разспросимъ, прервалъ кавалериста докторъ Рыбинъ:—онъ должно-быть знаетъ все. Батуринь! подите сюда на пару словъ, вставъ съ подушки и опершись рукой въ деревянную колонку галереи крикнулъ онъ.

Въ эту минуту вѣзжалъ во дворъ казачій штабъ-офицеръ, довольно полный муцина, лѣтъ сорока, съ густою красиво раздвоенною проборомъ по срединѣ темною бородой и смѣло смотрящими глазами. На запыленномъ кителѣ его красовался георгіевскій офицерскій крестъ.

— Здравствуйте, Батуринь! слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Здорово, ребята! возгласилъ онъ шутивнымъ тономъ, сѣзая съ лошади, которую и отдалъ слѣдовавшему за нимъ казаку.

Войдя на галерею и пожимая протянутыя къ нему руки онъ продолжалъ тѣмъ же шутивнымъ тономъ:

— Спасибо вамъ за службу, молодцы! По чаркѣ водки отпустилъ бы всѣмъ на радости, да по этому случаю и самъ бы выпилъ. Всѣ адмиральскіе часы прошли уже давно. Вотъ всегда, Иванъ Андреичъ, такъ неисправно интенданство наше: когда что нужно, того-то именно и нѣтъ. А гдѣ же принципалъ нашъ, командующій войсками? спросилъ онъ уже серьезнымъ тономъ, оглядываясь кругомъ.

— Обѣзжаетъ крѣпость, городъ и другія части отряда, сказалъ Лавровскій, — скоро сюда будетъ, а здѣсь генералъ Д.***

— Вамъ зачѣмъ нужно видѣть его—ство? адресовался къ Батурину только-что вышедшій изъ залы съ палироской въ

зубахъ полковникъ въ сюртукѣ обще-армейской формы.—Генераль отдыхаетъ тутъ въ комнатѣ; есть что нибудь новаго, важнаго или секретнаго?

— Секретнаго, Андрей Павловичъ, нѣтъ ничего, отвѣчалъ войсковой старшина Батуричь, отдавъ честь полковнику и пожимая протянутую ему руку.—Я присланъ изъ отряда Пистолькорса съ докладомъ что все благополучно. Бѣжавшихъ изъ крѣпости почти не было. Порубили казаки въ окрестностяхъ города человекъ двадцать изъ бѣжавшихъ, да задержали десятка три, въ числѣ ихъ одного какого-то важнаго, назвался Карау-бекомъ. Полковникъ Пистолькорсъ приказалъ подъ конвоемъ переслать его въ лагерь, а прочихъ отпустилъ. Отъ пикетовъ изъ ущелья получены тоже свѣдѣнія, со стороны Самарканда все спокойно, новаго ничего не замѣчено.

— Хорошо, я передамъ генералу, сказалъ полковникъ, кивнувъ головой Батуричу;—обождите здѣсь прибытія главнаго начальника.

Съ этими словами онъ вошелъ въ залу.

— А что стало съ Алаяръ-ханомъ? спросилъ докторъ.

— Карау-бекъ видѣлъ его лежащимъ подъ лошадыю, но живымъ у логреба Ура-Тюбинскихъ воротъ за нѣсколько минутъ до взрыва. Говорить что тутъ ему и карачунъ былъ...

— Это что такое? вдругъ вскрикнулъ докторъ, прервавъ разказъ Батурина.

— Гдѣ? что? спрашивала лежавшая и сидѣвшая лублика, вскакивая на ноги.

Да вотъ посмотрите несутъ какихъ-то людей, говорилъ подполковникъ Лавровскій.

— Это несутъ frutto вашей пресловутой войны, громко, дрожащимъ отъ волненія голосомъ высказалъ докторъ Рыбинъ и, послѣдно сойдя съ галереи, подошелъ къ убитымъ, которыхъ выносили солдаты изъ комнатъ дворца и клали на мостовую посреди двора.

Кѣмъ были убиты эти семнадцать человекъ и за что ихъ закололи—конечно Биркенфельдъ не зналъ, да никому и въ голову не приходило наводить справки о подобныхъ мелочахъ, они были все убиты войной. Такихъ заколотыхъ и застрѣленныхъ людей вокругъ цитадели валялось не семнадцать, а нѣсколько тысячъ.

— Христолюбивое руссійское воинство! злобно проищалъ Пономаревъ.—Одинъ, вонъ, сейчасъ тутъ спичъ трогательный

говорилъ, чушь несли; другіе слушали, горло драли, уру кричали. Съ обѣихъ сторонъ комедь ломають...

— А третьимъ, строго глядя на Пономарева прервалъ его Батуриный, — не пришлось бы казацкой нагайки попробовать... Всяко вѣдь бываетъ.

Всѣ оглянулись на молодого чиновника въ очкахъ, съ котораго Батуриный не сводилъ вызывающаго взора.

Но Пономаревъ молчалъ понура голову. Судорожно кривя ртомъ, онъ едва слышно что-то бормоталъ. Только одинъ выслужившійся чиновникъ, ближе другихъ сидѣвшій къ Пономареву, разслышалъ слово: *обскурантъ*.

— Здравствуй, аистъ долговязый! крикнулъ Батуриный, увидѣвъ барона Биркенфельда, который, шагая вдоль ряда уложенныхъ труловъ, считалъ ихъ, тыкая въ каждаго пальцемъ.

Занятый дѣломъ баронъ и не отвѣчалъ на привѣтствіе Батурина.

— Вы не шутите съ нимъ теперь, замѣтилъ артиллеристъ Лавровскій, — онъ при исполненіи своихъ новыхъ служебныхъ обязанностей. Генераль Д*** хочетъ просить главнаго начальника назначить его комендантомъ Джузака.

— Здравствуй Батуриный! говорилъ подошедшій въ это время Биркенфельдъ, на ходу протягивая руку войсковому старшинѣ и слыша съ докладомъ въ комнату гдѣ на подушкахъ и на коврахъ отдыхало усталое начальство и куда перешла уже бѣлая часть публички бывшей на галлерей.

— Ваше—ство! что будете приказать сдѣлать съ арестантами? съ такимъ вопросомъ подошелъ къ генералу новый комендантъ.

— Съ какими это арестантами? спросилъ генераль Д***, вставая съ подушекъ.

Биркенфельдъ доложилъ что съ правой стороны воротъ найдена арестантская, которая называется *клоповникомъ*.

— Такой большущій яма, въ грунтъ, говорилъ Биркенфельдъ, — я внизъ яма пускалъ фонарь на веревку. Тамъ люди шевеляются и кричатъ во весь свой горло.

— Вытащите ихъ оттуда, да постарайтесь найти языка. Есть же тутъ во дворцѣ живой человекъ изъ служившихъ при комендантѣ; онъ скажетъ вамъ какъ пройти въ клоповникъ.

— Еще семнадцать кадаверовъ я укладывалъ на дворъ для вашъ смотръ.

— Богъ съ вами, баронъ! Уберите ихъ прочь скорѣе, прикажите похоронить.

— Слушаю, ваше—ство! отвѣтилъ кланяясь баронъ и направился къ выходнымъ дверямъ, но пройдя нѣсколько шаговъ в спомнилъ что доложилъ не все и, возвратясь, объявилъ генералу что въ одной изъ комнатъ дворца найдены двѣ молодой женщины, изъ нихъ при одной ребенокъ, а на террасѣ устроенной на крышѣ дворца поднята лежавшая тамъ безъ чувствъ и вѣроятно теперь уже умершая отъ раны тоже молодая, богато одѣтая женщина.

— Докторъ Рыбинъ, осмотрите раненую женщину и доложите потомъ объ ней главному начальнику, да будьте такъ добры и мнѣ скажите что окажется. А васъ, Михаилъ Михайловичъ, обратился генералъ ко главному переводчику, — прошу расспросить раненую, если придетъ въ себя, и тѣхъ двухъ женщинъ которыхъ нашли во дворцѣ, кто онѣ такія и не нужно ли имъ чего-нибудь.

Не прошло и получаса какъ вновь прибывшіе съ разныхъ сторонъ офицеры передали что перестрѣлка по городу прекратилась, баталіоны собраны, хотя и не вполне, караулы поставлены на площадяхъ.

Отъ барона Биркенфельда узнали что никакого иного сообщенія съ клоповникомъ, кромѣ верхняго отверстія выходящаго въ нашу, не оказалось, что для освобожденія арестованныхъ спустили на веревкахъ двухъ казаковъ въ яму и что съ помощію ихъ вытащили одиннадцать живыхъ арестантовъ, въ томъ числѣ одного умирающаго.

Рыбинъ заявилъ что раненая женщина пришла въ себя. но что рана ея чрезвычайно опасна, потому что пуля пробила легкое и застѣла въ спинѣ около позвоночнаго хребта.

Главный переводчикъ, Михаилъ Михайловичъ Килчаринъ, доложилъ что раненая назвалась женой Алаяръ-хана, что ея шестилѣтняя дочь, найденная на рукахъ прислужницы, находится теперь при больной матери и что двѣ другія женщины невольницы Якубъ-бека. Жена Алаяръ-хана просила сообщить ей объ участи мужа, желала увидѣть его тѣло если его нѣтъ въ живыхъ, какъ она въ томъ увѣрена, и умоляла дозволить ей остаться съ дочерью въ занимаемыхъ ею комнатахъ дворца. Двѣ невольницы Якубъ-бека не предъявили никакихъ особыхъ просьбъ.

VI.

Вмѣстѣ съ Килчаринымъ вошелъ въ залу Уильямъ Гибсонъ, онъ же Василій Федоровичъ Безсоновъ, молодой красивый мущина, лѣтъ двадцати семи. Средняго роста, широкоплечій, плотно сложенный, онъ производилъ при первомъ взглядѣ на него впечатлѣніе человека пользующагося крѣпкимъ здоровьемъ, сохраненнымъ регулярною жизнію, не допускавшею ни вредныхъ въ чемъ-либо излишковъ, ни пагубныхъ увлеченій.

Тщательно выбритые подбородокъ и щеки, свѣтлаго цвѣта галстучекъ, высокіе салогі лакированной кожи со шпорами, ловко сидящій на немъ пиджакъ военного покроя и наконецъ перчатки на рукахъ составляли рѣзкій контрастъ съ изношенною и сильно потертою одеждою не только строевыхъ офицеровъ, но и лицъ состоявшихъ при главной квартирѣ. По всему было видно что молодой человекъ занимался своимъ туалетомъ въ походѣ такъ же тщательно какъ всегда и что состоялъ онъ въ свитѣ главнаго начальника не для черной работы, а въ качествѣ дилетанта свободно располагающаго своимъ временемъ. На лѣвой согнутой рукѣ его висѣлъ палеваго цвѣта плащъ или охобень самой тонкой индійской матеріи, который накидывалъ онъ на себя для защиты отъ пыли и въ той же рукѣ держалъ онъ соломенную съ широкими полями шляпу украшенную лентой.

Густые каштановые волосы, очень коротко по-солдатски остриженные, красиво обрамляли его высокій, чистый лобъ, гораздо болѣе бѣлый, чѣмъ нижняя часть лица, сильно загорѣлая. Большіе, сѣрые глаза его обыкновенно смотрѣли нѣсколько строго, равнодушно и гордо, но вдругъ останавливались на комъ-либо съ тѣмъ упорнымъ и какъ бы внутрь себя смотрящимъ взглядомъ впечатлѣніе коего напоминало ощущение получаемое отъ прикосновенія холоднаго металла. Взглядомъ этимъ обладаютъ люди умѣющіе проявлять въ данныхъ случаяхъ непобѣдимую волю не только относительно другихъ, но и самихъ себя. Общее выраженіе открытаго, благороднаго лица вселяло полнѣйшее къ нему довѣріе.

Всѣ его движенія медленныя, но всегда рѣшительныя, какъ бы заранѣе обдуманныя, а равно и утонченная вѣжливость,

соединенная съ крайнею осторожностью въ словахъ обнаруживали джентльмена, умѣющаго уважать чужое мнѣніе и заставить другихъ уважать свое.

Никто не видалъ его неумѣренно веселымъ, громко и неудержимо смѣющимся, но никто не заставлялъ его и въ особенно дурномъ расположеніи духа. Никогда и никому не говорилъ онъ о дѣлахъ своихъ и вообще былъ мало разговорчивъ, одинаково со всѣми учтивъ и холоденъ.

На офицерскихъ пирушкахъ со жженкой онъ пилъ какъ пили всѣ, но никогда не пьянѣлъ, а только становился еще молчаливѣе и замкнутѣе; на балахъ и вечерахъ во всевозможныхъ слояхъ общества онъ танцовалъ и бесѣдовалъ со всѣми дамами безразлично, но никогда не позволялъ себѣ публично аффишировать предпочтеніе къ какой-либо одной. Подъ огнемъ непріятеля въ военныхъ дѣлахъ былъ такъ же молчаливъ и спокоенъ какъ у себя дома.

Чтобы вывести этого человѣка изъ терпѣнія, казалось, надо было произвести что-либо необыкновенное, небывалое. За то неволью чувствовалось что выведя его однажды изъ нормальнаго состоянія, можно было ожидать и съ его стороны чего-то незауряднаго.

Повидимому онъ и самъ былъ такого о себѣ мнѣнія, потому что постоянно наблюдалъ за самимъ собой. Языкъ его и всѣ движенія были въ полномъ повиновеніи его мысли и волѣ, но съ выраженіемъ глазъ и лица не всегда онъ могъ справиться. Очень близкіе къ нему люди, каковъ былъ напримѣръ командиръ третьяго баталіона, говорили что видѣли его даже плачущимъ, но не такъ какъ плачутъ другіе. Всякій плачущій дѣлаетъ при томъ невольную гримасу всѣми частями лица, его же лицо и въ этомъ случаѣ оставалось неподвижно; Гибсонъ собственно говоря не плакалъ, а изъ глазъ его изливались слезы какъ-то сами собою, какъ будто безъ его вѣдома.

Человѣкъ этотъ напоминалъ собою запечатанный конвертъ въ которомъ заключена была разгадка трудной задачи. Только тому существу которому Гибсонъ позволилъ бы распечатать этотъ конвертъ, только этому существу и суждено было прочесть разрѣшеніе загадки и опредѣлить: былъ ли видимый для всѣхъ Уильямъ Гибсонъ только футляромъ, въ коемъ залертъ былъ его твердою волей другой человѣкъ съ любящимъ сердцемъ и нѣжною душой, или же кажущійся

футляръ былъ въ дѣйствительности не оболочкой другаго человѣка, а самъ человѣкъ, холодный, разсудительный и непріятный или вѣрнѣе не симпатичный.

Съ официальной стороны Гибсонъ былъ офицеромъ въ англійскихъ войскахъ Индіи. По особому ходатайству ему разрѣшено было Русскимъ правительствомъ состоять при Оренбургскомъ отрядѣ дѣйствовавшемъ въ 1866 году въ Средней Азійи.

Проведя въ походахъ восемь мѣсяцевъ въ обществѣ русскихъ офицеровъ, онъ научился понимать русскую рѣчь, но говорилъ по-русски только въ крайней необходимости.

Нельзя сказать чтобъ его любили, чтобъ онъ нравился обществу офицеровъ тѣхъ отрядовъ съ которыми дѣлалъ походы, но его всѣ одинаково уважали и обращались съ нимъ скорѣе какъ съ начальникомъ чѣмъ по товарищески.

Большинство было увѣрено что онъ холоденъ какъ ледь, неспособенъ ни къ какому увлеченію и эгоистично-безсердеченъ.

Въ описываемую минуту, войдя вмѣстѣ съ главнымъ переводчикомъ въ залу, онъ остановился въ толпѣ наполнявшей уже половину комнаты и со вниманіемъ слѣдилъ за докладомъ Килчарина.

— Жена Алаяръ-хана, продолжалъ свой докладъ Килчаринъ,—дочь какого-то индійскаго принца, или владѣтеля, и говоритъ по-англійски. Когда мы пришли къ ней съ докторомъ Рыбинымъ, мы нашли у нея врача третьяго баталіона и господина Гибсона, который служилъ ей переводчикомъ. Она была уже въ полной памяти.

Какъ бы поджидая только этого доклада, Уильямъ выбрался изъ толпы и приблизился къ генералу Д***, который въ это время заговорилъ съ управляющимъ походною канцеляріей главнаго начальника.

— Если она останется жива, говорилъ генералъ,—она на дѣлаетъ вамъ не мало хлопотъ, придется сообщить въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ подробныя о ней свѣдѣнія и ожидать дальнѣйшихъ о ней распоряженій изъ Петербурга, а пока ужъ право не знаю какъ угодно будетъ его — ству устроить ее лучше. Ей нуженъ докторъ и заботливое ухаживанье. Надо будетъ переговорить съ Рыбинымъ и Биркенфельдомъ.

Гибсонъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ генерала и, выждавъ окончанія его словъ, подошелъ ближе, привѣт-

ствовадь его легкимъ наклоненіемъ головы и спокойно, ровно и медленно выговорилъ по французски:

— Позвольте, генераль, поздравить васъ со славною побѣдой, тѣмъ болѣе славною что она не стоить большихъ жертвъ.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣтилъ генераль Д***, протягивая руку Англичанину.— Намъ всѣмъ прискорбны ужасныя потери которыя понесли эти несчастные подданные эмира Бухарскаго.

— Безъ сомнѣнія, замѣтилъ Англичанинъ,— послѣ потери двухъ важныхъ крѣпостей и нѣсколькихъ провинцій эмиръ сильно раскается въ своемъ заблужденіи.

— Если и раскается, съ оживленіемъ отвѣчалъ генераль,— то не воротитъ къ жизни тѣхъ несчастныхъ которые совершенно безъ нужды наполняютъ трупами своими весь Джукъ. Я вѣхалъ позади баталіоновъ бывшихъ подъ моею командой и видѣлъ картины потрясающія и плачевныя. Да и вы, cher monsieur Gibson, конечно видѣли то же; вы видѣли даже больше меня. Мнѣ только что говорили что вы видѣли здѣсь, въ этомъ домѣ, раненую жену Алаяръ-хана и говорили съ нею.

— О, да! отвѣчалъ Гибсонъ.— Она немного говоритъ по англійски. Она очень больна теперь, ей нужна помощь.

— Скажите, кто она такая? Мнѣ говорили что она дочь какого-то индійскаго набаба или раджи. Что она, такая же какъ всѣ эти дамы двора эмира Бухарскаго, купленные на базарахъ чуть не на вѣсь, или же болѣе благовоспитана и образована?

— Она дочь магараджи Альвара, человекъ очень богатого и довольно развитого и женщина повидимому нѣсколько образованная. Тѣмъ болѣе должно быть трудно ея настоящее положеніе и тѣмъ болѣе нуждается она въ помощи.

— Два раза повторенная фраза о томъ что жена Алаяра нуждается въ помощи обратила на себя вниманіе генерала именно настойчивостію съ которою она была повторена.

„Ему что-нибудь нужно отъ меня“, подумалъ генераль и спросилъ:

— Какимъ же образомъ могла дочь почти независимаго и богатого остъ-индскаго владѣтеля сдѣлаться женой Персіянина Алаяра?

— Совершенно случайно, коротко отвѣтилъ Гибсонъ и замолчалъ какъ бы ставя себя въ оборонительное положеніе въ ожиданіи новыхъ вопросовъ.

Знаеть что-нибудь особенное, но говорить не хочетъ, подумалъ генералъ и тоже умолкъ.

Пользуясь наступившимъ молчаніемъ обоихъ, полковникъ Вейсигъ, тотъ самый который за полчаса предъ тѣмъ принялъ на галереѣ докладъ отъ Батурина и стоявшій все время около генерала, вмѣшался въ разговоръ.

— Магараджа Альвара, сказалъ онъ, — одинъ изъ преданнѣйшихъ Англіи властителей Раджпутана. Троттеръ въ сочиненіи своемъ *History of India* разказываетъ что этотъ владѣтель принялъ совсѣмъ европейскій образъ жизни, его дѣти танцовали даже на балахъ англійскаго резидента.

— Троттеръ ошибся, промолвилъ самымъ учтивымъ тономъ Гибсонъ. — Дѣти магараджа Альвара до танцевъ съ Европейцами еще не доходили, но они дѣйствительно, какъ вы говорите, полковникъ, порядочно воспитаны и нѣсколько образованы.

— Объ этомъ владѣтелѣ и вообще о всей группѣ владѣтелей Раджпутана, продолжалъ увлекающійся своею начитанностью полковникъ, перейдя вдругъ съ французскаго языка на русскій, — пишетъ Rousselet въ сочиненіи своемъ: *L'Inde des Rajahs*; по его мнѣнію, вся эта страна по географическому положенію и характеру мѣстности можетъ играть при извѣстныхъ комбинаціяхъ первостепенную роль, потому что, какъ тоже говоритъ Prichard, лучшіе пути въ Индію, я разумѣю для торговли и для соединенія рельсовыми путями съ европейскими рынками, съ одной стороны Дели, а съ другой — Бомбей, должны конвергировать въ Раджпутанѣ, въ Пенджабѣ и Синдѣ...

На послѣднемъ словѣ этой учено-трескучей и залутанной фразы остановился полковникъ чтобы перевести духъ.

Гибсонъ, олутивъ глаза въ землю, молчалъ. Ни одинъ мускулъ въ лицѣ его не дрогнулъ. Онъ какъ будто и не понималъ русской рѣчи, испещренной на половину иностранными именами и словами.

Напротивъ того, генералъ, глядя попеременно то на Гибсона, то на Вейсига, улыбался и видимо наслаждался какъ ученымъ перезвономъ полковника, такъ и молчаливымъ и подавленнымъ нетерпѣніемъ Англичанина.

Но видно не было у его — ства достаточно свободнаго времени чтобы продолжать эту сцену, или жаль стало ему Англичанина. Видя что Вейсигъ дошелъ наконецъ до точки

и собирается перевести духъ прежде нежели пуститься въ новую тираду, генераль послѣдно обратился къ Гибсону съ вопросомъ:

— Чѣмъ же, полагаете вы, cher monsieur, Gibson, сдѣвало бы помочь вашей... protégée?

— Сдѣлайте изъ нея не мою, а вашу protégée, и я увѣренъ что малѣйшее ваше вниманіе къ ея участи устроить все какъ нельзя лучше.

— Въ томъ-то и дѣло что я право затрудняюсь что про- сить для нея у главнаго начальника.

Только этого признанія и добивался Англичанинъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ, генераль, быть *самъ* полезнымъ, сказалъ онъ съ обычною медленностью.—Я взялъ бы на полное мое попеченіе жену Алаяра и дочь ея еслибы вамъ угодно было найти это удобнымъ и въ такомъ смыслѣ представить это дѣло его—ству.

„Онъ ловить меня на словѣ“, подумалъ генераль. „Ему кажется хотѣлось чтобъ я навязалъ ему эту барыню и чтобы никто не подумалъ что онъ самъ желаетъ взять ее на свое попеченіе. Она умирающая, значитъ тутъ нѣтъ никакой за- дней мысли, но во всемъ этомъ кроется что-то неясное.“

— Съ величайшимъ удовольствіемъ доложу я его—ству что по *собственному моему выбору* я передалъ вашему попеченію вдову Алаяра и ея дочь. Отъ его—ства будетъ зависѣть утвердить или нѣтъ мое распоряженіе; я рѣшительно не знаю что можно было бы предложить лучшаго. Ваше доброе по- печеніе о несчастной умирающей и ея ребенкѣ считаю вѣр- нѣйшимъ ручательствомъ того что всѣ мѣры къ облегченію ихъ горькаго положенія будутъ приняты. Конечно такого же мнѣнія будетъ и главный начальникъ.

Съ этими словами генераль протянулъ руку Англичанину, какъ бы показывая ему что вопросъ о вдовѣ Алаяра онъ считаетъ оконченнымъ.

Гибсонъ отвѣтилъ генералу наклоненіемъ одной головы, но сильно сжалъ и потрясъ его руку. Затѣмъ незамѣтно вмѣ- шался въ толпу офицеровъ и чиновниковъ.

Баронъ Биркенфельдъ прибѣжалъ съ извѣщеніемъ что къ цитадели подѣзжаетъ главный начальникъ войскъ.

Всѣ выскочили на дворъ для встрѣчи его.

Распоряженія уже сдѣланныя генераломъ Д*** были утверж- дены.

Биркенфельдъ былъ назначенъ комендантомъ, а Гибсону отданы были на его попеченіе вдова Алаяра и ея дочь.

Предъ отъѣздомъ изъ цитадели главный начальникъ пожелалъ видѣть арестантовъ спасенныхъ изъ клоповника.

Близъ галлерей, въ части двора ближайшей къ залѣ, гдѣ предъ тѣмъ отдыхало начальство, были собраны одиннадцать арестантовъ. Большинство ихъ сидѣло на мостовой въ полномъ изнеможеніи, только трое или четверо держались на ногахъ. Докторъ Рыбинъ, наклонясь къ одному лежавшему, тщетно старался привести его въ сознаніе. Только на двухъ были надѣты полуизорванные халаты на совершенно голыхъ тѣлахъ. Остальные были голы до пояса; ноги ихъ были прикрыты какими-то лохмотьями, остатками холщевыхъ шароваръ.

Нѣтъ словъ которыми возможно было бы выразить потрясающій душу видъ этихъ несчастныхъ, ихъ изможденные лица, блуждающій дикій взглядъ и худобу ихъ тѣлъ.

Уподобляясь содержателю звѣрнца показывающему почетнѣйшей публикѣ своихъ звѣрей, баронъ Биркенфельдъ докладывалъ начальству о каждомъ арестантѣ собраннаго свѣдѣнія.

— Довольно, остановилъ его генераль.—Скажите, кто вонъ тотъ что лежитъ?

Новый комендантъ объяснилъ что когда этого несчастнаго подняли изъ ямы, „когда онъ былъ вытасканъ“, по словамъ барона, на немъ оказался корсетъ изъ сыромятныхъ ремней. Ремни были сильно пропитаны какою-то жидкостью прежде чѣмъ корсетъ былъ надѣтъ на несчастнаго. Постепенно высыхая и съеживаясь, они все болѣе и болѣе сдавливали тѣло.

— А эти кто въ халатахъ?

— Эти два—дервиша, отвѣчалъ баронъ.—Они приходили изъ Самаркандъ въ Джузакъ, на одинъ день впередъ насъ. Якубъ-бекъ въ подозрѣніи держалъ что они русскіе шпіоны и бросалъ въ клоповникъ. Они просидѣли въ яму только три раза двадцать четыре часа и потому еще такой свѣжій.

Баронъ находилъ ихъ свѣжими.

Приказано было объявить всѣмъ этимъ несчастнымъ что они свободны и что имъ будетъ выдано по рубашкѣ и по халату каждому.

Но мысль о свободѣ не могла сразу проникнуть въ ихъ помутившіяся отъ страданій головы; ни малѣйшаго признака

радости они не обнаружили. Лица ихъ оставались попрежнему алатичны и безмысленны глаза, блуждали. Они какъ будто искали глазами, гдѣ тотъ палачъ который сейчасъ будетъ рѣзать имъ горло какъ баранамъ.

Съ величайшимъ трудомъ объяснили наконецъ двумъ дровишамъ что они могутъ сейчасъ же идти подобру и поздорову за ворота крѣпости, куда имъ угодно, что ихъ безпрятственно пропустятъ и что имъ не будетъ *спкимъ-башка*.

Они пришли наконецъ въ такой восторгъ и выражали его такими странными тѣлодвиженіями что ихъ можно было почесть людьми лишившимися съ радости разсудка.

Между тѣмъ около двухъ невольницъ Якубъ-бека, сидѣвшихъ тутъ же на галлерей, собралась толпа молодежи. Черезъ переводчика задавали имъ разные вопросы, болѣе или менѣе шаловливаго оттѣнка, на что онѣ отвѣчали упорнымъ молчаніемъ. Черные ихъ волосы, ничѣмъ не прикрытые, были встреланы. Одѣтыя въ поношенные синіе халаты, слишкомъ короткіе по росту, и въ широчайшіе шаровары, онѣ производили, не взирая на ихъ молодость, далеко не выгодное впечатлѣніе. Обѣ сидѣли на полу галлерей и алатично озираясь кругомъ, курили палиросы только-что данныя имъ офицерами. Несомнѣнно что онѣ никогда до настоящей минуты не только не курили, но и не видали палиросъ, такъ какъ жители Средней Азіи вообще не курятъ табаку; но съ тѣхъ поръ какъ палиросы были имъ даны любѣдителями ихъ хозяина, значить новыми ихъ обладателями, онѣ не считали уже себя въ правѣ отказать отъ куренія.

Приближеніе къ нимъ главнаго начальника, отъ котораго зависѣла ихъ участь, не вывело ихъ изъ алатиц; онѣ даже и не встали предъ нимъ, къ крайней досадѣ новаго коменданта, который, стоя позади генерала, дѣлалъ имъ длинными руками своими жестъ приглашающій подняться съ пола. Съ такимъ же непоколебимымъ равнодушіемъ выслушали онѣ объявленіе о полной ихъ свободѣ. Онѣ явно не придавали никакого смысла выраженію „свобода“. Какъ же можетъ сдѣлаться свободнымъ товаръ купленный за деньги?

Когда, часъ спустя, генераль Д***, остававшійся еще въ цитадели послѣ отъѣзда главнаго начальника, сѣвъ на лошадь, въ свою очередь двинулся къ воротамъ чтобъ ѣхать въ лагерь; обѣ невольницы, къ крайнему удивленію всѣхъ, очутились за хвостомъ его лошади.

— Михаилъ Михайловичъ, будьте такъ добры, спросите ихъ что имъ отъ меня нужно? сказалъ генераль переводчику.

— Онѣ говорятъ, перевелъ Килчаринъ,—что онѣ были невольницами Якубъ-бека, что ваше —ство завоевали дворецъ бека и что потому все его имущество, а съ нимъ и онѣ принадлежатъ вамъ и что онѣ обязаны идти за вами куда вы ихъ поведете. Имъ, ваше —ство, не понять никогда жизни безъ хозяина. Если ихъ выгнать просто на улицу, онѣ погибнуть.

— Въ такомъ случаѣ скажите имъ что я дарю ихъ майору Биркенфельду. Баронъ, уберите ихъ, сказалъ улыбаясь генераль, вѣзжая на мостъ.

VII.

Поздно вечеромъ того же дня, когда русскія войска заняли крѣпость, одна изъ тѣхъ комнатъ дворца которыя отданы были въ распоряженіе Алаяръ-хана представляла слѣдующій довольно оригинальный видъ.

Посреди задней стѣны и прямо противъ двери выходящей на галерею наставлены были одинъ на другомъ три большіе сундука. Въ толщѣ двухъ боковыхъ стѣнъ, не имѣвшихъ ни оконъ, ни дверей, были сдѣланы довольно обширныя ниши съ полками и наружными дверцами придававшими нишамъ видъ шкалчиковъ. Въ одной такой нишѣ наружныя дверцы были сорваны съ петель и лежали тутъ же на полу. На полкахъ этой открытой ниши, оклеенныхъ разноцвѣтною бумагой, стояли двѣ, три сохранившіяся въ цѣлости чашки и валялось много битой посуды. По всему протяженію трехъ стѣнъ, кромѣ мѣста занятаго сундуками и пустыхъ пространствъ, оставленныхъ предъ нишами чтобы можно было подходить къ этимъ шкалчикамъ, тянулись длинныя, широкіе и низкіе диваны до наружной стѣны, въ которой были дверь и два окна.

Только на одномъ изъ четырехъ дивановъ сохранился большой прекрасный коверъ, которымъ покрыты были не только весь диванъ, но и ближайшая къ нему часть пола; съ остальныхъ трехъ ковры были сорваны.

Командиръ баталіона вскорѣ послѣ взятія цитадели его ротами, забѣжавъ въ комнаты Алаяра, остановилъ дальнѣйшее

разграбленіе, поставилъ къ двери часоваго и сласть все что осталось еще цѣлымъ.

Со середины потолка, раскрашеннаго мелкимъ узоромъ, висѣлъ на бронзовой цѣлочкѣ фонарь розоваго стекла очень изящной формы, въ арабскомъ вкусѣ. Въ немъ горѣли двѣ свѣчи. Матовыя стекла фонаря умѣряли свѣтъ. Въ комнатѣ была полутьма, только четвертая наружная стѣна съ окнами и дверью была освѣщена сильнѣе, потому что съ этой стороны одно изъ стеколъ фонаря было выбито.

Предъ нишей лѣвой стѣны стояло желѣзное складное кресло спинкой къ стѣнѣ и предъ нимъ желѣзный же складной столикъ.

Предъ диванами и нишей противоположной, то-есть правой стѣны, поставлена была желѣзная походная кровать съ пологомъ изъ бѣлой грубой кисеи. Рядомъ съ изголовьемъ стоялъ низенькій турецкій столикъ съ наклееннымъ на верхней шестиугольной доскѣ его кускомъ малиноваго бархата. Шелковая малиновая же матерія, прибитая къ верхней доскѣ столика и подобранная шестью фестонами съ кистями и бахромой, закрывала столикъ съ боковъ. Такіе же два столика, только другихъ цвѣтовъ, стояли въ углахъ комнаты у дивановъ.

Разнохарактерность всей этой обстановки наводила невольно на мысль что часть мебели, какъ напримѣръ кровать, складной столъ и желѣзное кресло, доставлены были сюда изъ русскаго лагеря.

Въ постели лежала раненая Анумати.

На желѣзномъ креслѣ сидѣлъ Уильямъ Гибсонъ.

Онъ вытянулъ обѣ ноги подъ столъ и откинулъ голову назадъ, такъ что собственно говоря не сидѣлъ, а полудежалъ въ креслѣ. Голова его опиралась на ладони обѣихъ рукъ заложенныхъ за затылокъ со скрещенными пальцами. Глаза были закрыты. Совершенная неподвижность его заставляла предполагать что онъ спитъ или дремлетъ.

Въ лѣвомъ углу на диванѣ лежала какая-то неопредѣленной формы фигура. Въ полусвѣтѣ комнаты невозможно было опредѣлить живое ли то существо или куча сваленныхъ вмѣстѣ вещей.

На столѣ предъ Гибсономъ помѣщались подсвѣчникъ съ зеленымъ абажуромъ и двумя незажженными свѣчами, стклянка съ лѣкарствомъ, серебряная ложка, серебряная кружка съ

водой, два серебряные же стаканчика и связка битовъ и тряпокъ разнаго вида и разной величины.

Одно окно было завѣшено цвѣтною чайною скатертью. Болѣе яркій свѣтъ двухъ свѣчъ бывшихъ въ фонарѣ, падавшій въ сторону наружной стѣны, позволялъ рассмотреть на срединѣ скатерти изображеніе какого-то пейзажа, въ которомъ фигуры людей были выше деревьевъ; на другомъ окнѣ висѣла кашемировая бѣлая, съ большою бахромой шаль, а дверь была завѣшена широкимъ и длиннымъ малиновымъ одѣяломъ. Всѣ эти три вещи употребленныя въ качествѣ сторуи были прибиты вверху оконъ и двери гвоздями. Повидимому не пожалѣли и бѣлой кашемировой шали. Ее проткнули съ одной стороны большимъ гвоздемъ, а съ другой двумя штыками.

Полная тишина царствовала въ комнатѣ. Снаружи слышны были по временамъ шаги и голоса проходящихъ по галлерей и тотчасъ же умолкали какъ только говорившіе входили въ одну изъ комнатъ дворца и запирали за собой дверь. Только отдаленные, унылые окрики часовыхъ напоминали крѣпость, войско и войну.

Тишина эта, послѣ недавняго штурма, послѣ цѣлаго дня выстрѣловъ, криковъ, гвалта и конскаго топота по мостовой двора, послѣ громкаго торжества побѣды, непріятно дѣйствовала на душу рѣзкостью перехода отъ одной крайности къ другой. Послѣ такого дня нуженъ веселый, товарищескій пиръ и потомъ крѣпкій сонъ, а не бдѣніе въ одиночествѣ у изголовья больного.

По временамъ въ этой тишинѣ становилось вдругъ слышно дыханіе больной Анумати изъ-за полога кровати. Дыханіе ея вдругъ какъ бы затруднялось, потомъ слѣдовалъ всякій разъ легкій, малозвонкій кашель и затѣмъ наступала вновь мертвая тишина.

Гибсонъ всталъ съ кресла; тихо, на ципочкахъ, подошелъ ближе къ фонарю и посмотрѣлъ на карманный хронометръ. Оказалось: половина втораго полуночи. Затѣмъ осторожно, неслышными шагами Гибсонъ подошелъ къ изголовью кровати и приложилъ ухо къ пологу. Больная дышала хотя и мало слышно, но довольно учащенно.

Въ эту минуту послышались шаги на галлерей, они остановились у двери, отодвинулся край одѣяла служившаго гардиной, и изъ-за него показалась сѣденькая голова доктора Рыбана.

Между Рыбинымъ и Гибсономъ установился преоригинальный способъ передачи мыслей. Англичанинъ говорилъ по-французски, а докторъ очень хорошо по-нѣмецки; за то Гибсонъ только понималъ, но не говорилъ по-нѣмецки, а Рыбинъ только понималъ, но никогда не говорилъ по-французски; потому разговоръ шель у нихъ сразу на двухъ языкахъ: Гибсонъ говорилъ по-французски, Рыбинъ—по-нѣмецки, и ничего себѣ, оба понимали другъ друга и бесѣда шла отлично.

Гибсонъ, увидя голову доктора высунутую изъ-за одѣяла, сдѣлалъ ему знакъ не шумѣть; всталъ съ кресла и только-что собирался съ вошедшимъ уже докторомъ осторожно и какъ можно тише выйти на галерею какъ вдругъ оба увидѣли маленькую смуглую ручку съ пальцами разукрашенными кольцами, которая старалась отодвинуть занавѣсы полога.

Они подошли къ больной, отодвинули обѣ половины полога... Анумати пристально на нихъ смотрѣла своими большими оленьими глазами.

— Спросите его, начала она первая по-англійски,—найден ли тѣло моего мужа?

— Скажите ей, отвѣчалъ Рыбинъ по-нѣмецки,—что тѣла Алаяръ-хана не найдено, но что его самого видѣли за нѣсколько минутъ до взрыва пороховаго погребѣ живымъ почти у самаго входа въ погребѣ. Думаютъ что онъ убитъ взрывомъ. Въ числѣ бѣжавшихъ изъ крѣпости онъ тоже не оказался. Есть еще надежда что онъ находится въ городѣ и спрятался гдѣ-нибудь до разъясненія дѣла.

— Нѣтъ, онъ не спрятался, сказала Анумати, опустивъ глаза,—онъ отъ смерти не ушелъ; напротивъ, онъ пошелъ на встрѣчу ей.

Слезы показались на длинныхъ рѣсницахъ Анумати, дыханіе ея стало слышнѣе, какъ будто оно было затруднено чѣмъ-то, появился тихій, не звонкій кашель, и на платкѣ, который она прижала къ губамъ, осталось круглое пятнышко алой крови.

— Это начало конца, проговорилъ Рыбинъ по-нѣмецки.

— И долго еще можетъ продолиться ея болѣзнь? спросилъ своимъ обыкновеннымъ медленнымъ тономъ Гибсонъ.

— Болѣзнь пройдетъ вмѣстѣ съ жизнью, такъ... завтра къ вечеру или послѣ завтра утромъ, отвѣтилъ докторъ.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ лицѣ Англичанина, какъ будто бы докторъ говорилъ ему о прошлогоднемъ снѣгѣ.

— Потрудитесь зажечь свѣчи въ вашемъ подсвѣчникѣ, г. Гибсонъ, и дайте мнѣ ихъ сюда или поставьте здѣсь на столикъ.

Когда желаніе доктора было исполнено, онъ началъ изслѣдовалъ пульсъ больной, потомъ приложилъ ухо ко груди и передалъ ей термометръ для измѣренія температуры. Еще утромъ Анумати научили его употребленію.

Пока длились всѣ эти обыкновенные докторскіе приемы Гибсонъ зашелъ за кровать на которой лежала больная и остановился предъ спавшею на диванѣ дѣвочкой, такъ что ни Анумати, ни докторъ не могли его видѣть. Необыкновенно нѣжное, мягкое выраженіе приняла всѣ черты его лица, всегда столь строгаго и безчувственнаго. Глядя съ сердечною лаской на спящаго ребенка, онъ не только думалъ, но почти выговаривалъ свои мысли. Сильно взволнованный и какъ восторженно настроенный Англичанинъ точно говорилъ съ самимъ собою, беззвучно шевеля губами. Спящая дѣвочка какъ будто чувствовала на себѣ нѣжный взглядъ Англичанина. Она звучно вздохнула во снѣ, и губки ея проносили какія-то непонятныя слова. Сильно растроганный, онъ наклонился совсѣмъ близко къ ея личику, тихо поцѣловалъ его. Ему показалось что, не прерывая сна, дѣвочка отвѣтила ему поцѣлуемъ.

Бросивъ нѣжный, добрый взглядъ на спящаго ребенка, Гибсонъ вышелъ изъ-за кровати, гдѣ скрывалъ его пологъ.

— Спросите его, заговорила Анумати,—долго ли сила или начало оживляющее меня—*кветрадина*, душа моя,—удержится еще въ этомъ тѣлѣ?

— Рана ваша опасна, отвѣчалъ докторъ.

— Вы думаете она смертельна? спросила больная.

— Нѣтъ, этого сказать нельзя, гораздо болѣе опасныя раны принимаютъ нерѣдко счастливый оборотъ. Одивъ нашъ офицеръ Кузьминскій раненъ ликою въ бокъ опаснѣе васъ, но, благодаря Бога, есть надежда спасти его.

— Онъ раненъ у Самаркандскихъ воротъ, при самомъ началѣ штурма; да? спросила съ особенною живостью Анумати.

— Да, отвѣтилъ Гибсонъ.

— Какъ мнѣ пріятно знать что ему лучше, что онъ не умретъ!

Она разказала Гибсону, а тотъ передалъ доктору все что она видѣла съ террасы. Ея разказъ, короткій, но живо-

писный, яркій, произвелъ сильное впечатлѣніе на доктора. Ему не случилось еще видѣть и слышать такихъ женщинъ какъ Анумату, въ которой все говорило—и глаза, и выраженіе лица, и жестъ, и притомъ ничего принужденнаго, аффектированнаго, все естественно, граціозно и привлекательно.

— Ее такъ пріятно слушать и видѣть что я совѣмъ забылся, сказалъ докторъ,—а ей вредно говорить, скажите ей это.

— Будете дѣлать перевязку, докторъ? спросилъ Англичанинъ.—Въ такомъ случаѣ я разбужу прислугу и велю приготовить все что нужно.

— Нѣтъ, она теперь можетъ-быть уснетъ; я сдѣлаю перевязку утромъ, а пока надо продолжать ту же микстуру. Я пришлю еще порошокъ, чрезъ два часа по одному. Да кто же, скажите, будетъ у нея сидѣлкой? кому поручить заботиться о ней... ну, давать лѣкарство, подавать пить, словомъ, ходить за ней?

— Пока есть тутъ женщина, вонъ спитъ тамъ на диванѣ, одна изъ невольницъ Якубъ-бека; ее мыли и чесали цѣлый день, такъ что къ вечеру оказалось возможнымъ допустить ее къ больной; но она не годится, я ужъ все это устрою, докторъ, найду другую.

— А пока вы все это устроите, нельзя же оставить ее одну, надо аккуратно давать ей лѣкарство, а ваша невольница врядъ ли даже умѣетъ смотрѣть на часы.

— Не безлокойтесь, докторъ, всѣ ваши приказанія и совѣты будутъ свято исполнены.

— А! ну хорошо коли такъ, отвѣтилъ Рыбинъ и поощряющимъ добрымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Англичанина.

— Когда будете вы здѣсь? спросилъ онъ доктора чтобы переменить предметъ разговора.

— Я люблю часамъ въ восемь утра, но, къ сожалѣнію, въ визитахъ врача она уже не нуждается. Не могу выразить какъ больно видѣть такую молодую, красивую женщину осужденною на скорую смерть: вотъ фруктъ вашей проклятой войны.

Гибсонъ проводилъ Рыбина на галерею. Затѣмъ, подойдя къ больной, спросилъ:

— Вы спали предъ приходомъ доктора?

— Да, спала.

— Заснете опять?

— Нѣтъ, я спать не буду, мнѣ хотѣлось бы переговорить съ вами.

— Но докторъ запретилъ вамъ говорить много.

— Вашъ докторъ не спасетъ меня молчаніемъ, да къ тому же мнѣ нужно не столько говорить самой какъ слушать васъ.

— Вотъ и прекрасно. Примите сперва эту ложку лѣкарства, а затѣмъ оставайтесь въ покоѣ, а я буду вамъ разказывать. Но чтобы говорить о томъ что вамъ знать желательно скажите о чемъ же именно хотѣли вы переговорить со мной?

— Сегодня утромъ вы говорили мнѣ что видѣли меня въ домѣ отца, вотъ объ этомъ скажите мнѣ все подробно. Я помню васъ, но какъ-то смутно...

— Объ этомъ именно я и самъ хотѣлъ разказать вамъ всѣ подробности и притомъ вполне откровенно. То что вы услышите отъ меня теперь, милая Анумати, я никогда не говорилъ никому и никогда никому говорить не буду.

Гибсонъ придвинулъ къ кровати турецкій бархатный низенькій столикъ, сѣлъ на него, потеръ себѣ рукой лобъ и заговорилъ какъ бы вынуждая слова сходить съ языка его, насилуя такъ-сказать свою сдержанность. Съ недоумѣніемъ и выраженіемъ нѣкотораго страха смотрѣли на говорящаго глаза больной...

— Хотите выслушать меня и повѣрите мнѣ? спросилъ Гибсонъ.

— Да! да! я вамъ повѣрю и хочу, непременно хочу выслушать васъ.

— Такъ слушайте и вѣрьте. Когда я увидалъ васъ въ домѣ моей тетки, мистриссъ Эмилии Гибсонъ, вы поразили меня своею красотой, вы меня ослѣпили, вы просто взяли мое сердце руками. Я сразу отдалъ вамъ его. Пока вы были предо мной, я все любовался вами, я не могъ оторвать глазъ отъ васъ; когда я былъ одинъ, я всѣ минуты думалъ о васъ. Вы овладѣли наконецъ всѣми моими мыслями. Я полюбилъ васъ страст... Не говорите, Анумати, не прерывайте меня!.. воскликнулъ Гибсонъ, видя что больная подняла руки и собиралась сказать что-то.—Если вы будете прерывать меня или если я замѣчу въ васъ малѣйшее неудовольствіе или недоувѣріе, я замолчу. Еще нѣсколько словъ и я кончу, тогда я самъ попрошу васъ отвѣтить мнѣ... Въ то время я былъ такъ молодъ, такъ не увѣренъ въ самомъ себѣ, такъ /конфузивъ что долго не смѣлъ высказаться. Вспомните, я даже ни разу не говорилъ съ вами. Но я твердо рѣшился, еслибы вы могли

полюбить меня, уѣхать съ вами изъ Индіи и жениться на васъ. И я скоро сказалъ бы вамъ объ этомъ, потому что дальнѣйшая неувѣренность отравляла жизнь мою. Но неожиданно отравили меня на нѣсколько мѣсяцевъ въ Коттахъ. Предъ отъѣздомъ я не имѣлъ случая видѣть васъ, а въ мое отсутствіе явился Алаяръ и вы сдѣлались его женой... Конечно, велико, трудно выносимо было тогда, горе мое, но прошли года и я понималъ что судьба устроила все къ лучшему. Вы, вѣроятно, были очень счастливы съ мужемъ вашимъ, такъ счастливы какъ со мной быть не могли.

Высказавъ это предположеніе, которое можно было принять и за вопросъ, Гибсонъ поднялъ глаза на Анумати.

Она лежала неподвижно, съ опущенными внизъ глазами.

Онъ замолчалъ какъ бы ожидая отвѣта.

— Продолжайте, сэръ, объясните мнѣ дальше ваши мысли и желанія, сказала она тихо, очень тихо и не подымая глазъ.

— Когда вы были для меня потеряны, я все-таки не переставалъ любить васъ. Вы были, есть и вѣроятно останетесь единственною женщиной которой суждено было такъ сильно привязать къ себѣ мое сердце. Теперь мы опять сошлись; вы равны, очень больны, вамъ нужна сердечная привязанность... чья-нибудь, не столько, конечно, для васъ самихъ какъ для вашей дочери. Я думаю, васъ сильно тревожитъ мысль о томъ что станетъ съ вашимъ ребенкомъ...

— Прошу васъ, прервала его Анумати, — подождите немного, я сама хочу говорить вамъ о Наталикѣ; но прежде скажите мнѣ вотъ что: вы сейчасъ говорили что съ Алаяромъ я была такъ счастлива какъ съ вами быть не могла. Скажите, вы были бы со мной тоже несчастливы?

— Непремѣнно.

— Значитъ вы меня не желали такъ сильно, какъ вамъ казалось; еслибъ обладаніе мной было для васъ такъ же дорого какъ для Алаяра, то конечно вы были бы счастливы...

Анумати не договорила „счастливы какъ Алаяръ“ потому ли что сама уже не вѣрила въ счастье Алаяра, или потому что закашлялась; снова окровавленный кружокъ остался на платкѣ прижатомъ къ губамъ ея.

— Не договаривайте, сказалъ Гибсонъ, взявъ въ обѣ свои руки ея маленькую, нѣжную ручку, протянутую вдоль одышки. — Я самъ доскажу остальное. Ни вы, ни Алаяръ не были вполне счастливы, а со мной вы были бы еще несчастливѣе. Вы говорили доктору что мужъ вашъ шелъ на встрѣчу

смерти; вѣроятно смерть, то-есть разлука съ вами была ему не страшна. Значить или онъ пересталъ любить васъ...

— Нѣтъ, онъ горячо, нѣжно любилъ меня до послѣдней минуты.

— Значить вы перестали любить его, а жить безъ любви вашей ему было тяжело.

— Вы сейчасъ повторили слова его, почти то же самое сказалъ онъ мнѣ на прощанье; вы вѣрно думаете какъ думалъ онъ и потому вы можете объяснить мнѣ то что съ утра не выходитъ изъ головы моей, что мучить меня и чего я понять не могу.

— Что же онъ вамъ сказалъ на прощанье?

— Вотъ видите, прощаясь со мной онъ сказалъ мнѣ: „Ты никогда не любила меня душой, какъ человѣкъ можетъ любить человѣка, какъ я тебя любилъ“. Объ этихъ словахъ его я все думаю, хочу ясно выкинуть въ нихъ. Минутами мнѣ даже кажется что я ихъ понимаю, а потомъ опять нѣтъ. Скажите, сэръ, вы понимаете эти слова?.. Вы говорите что вы меня желали; какъ же вы желали меня? такъ же какъ Алааръ, или какъ я понимаю что значить любить и желать? Съ дѣтства учили меня что всѣ мужчины и женщины созданы для взаимной любви и для служенія Сакти, богинѣ непрестаннаго и вѣчнаго оплодотворенія природы. Съ молокомъ матери я всосала убѣжденіе что назначеніе мое отдаться мужчине и за то именно полюбить его. Но мнѣ противна была мысль отдаться совсѣмъ незнакомому мнѣ человѣку и потому я долго не выходила замужъ. Наконецъ я увидѣла Алаара; его страсть ко мнѣ увлекла меня, и я пошла за его любовью. Чтобы отдаться именно ему, а не другому, чтобы съ нимъ, а не съ другимъ принести въ жертву богинѣ Сакти мою дѣвическую жизнь, я пожертвовала всѣмъ; я бросила семью, родину и все что было мнѣ дорого. Еслибы прежде встрѣчи съ Алааромъ я узнала о вашей ко мнѣ страсти, я полюбила бы точно такъ же и васъ и ушла бы съ вами. Но вы молчали, а Алааръ говорилъ, я видѣла его страсть, она распалала меня и я отдалась ему.

— Ну, да, да, прошепталъ Гибсонъ;—вы любили не Алаара, а страсть его.

— Таковъ законъ божественнаго Вишну, отвѣчала Анумати.—Я отдалась Алаару, я принадлежала ему, я раздѣляла съ нимъ порывы страсти; какъ же еще иначе я могла любить его? Въ послѣднее время его мучила любовь ко мнѣ Нура-

лина. Но вѣдь онъ полюбилъ меня по волѣ Кама, бога любви. Не могла же я сказать Нуралину: „не желай меня“, когда Кама вселилъ въ него и разжигалъ въ немъ страсть ко мнѣ. Любовь мужчины къ женщинѣ есть влеченіе природы, божественный законъ. Богамъ нельзя сопротивляться. Я оставалась вѣрною мужу, но не оттолкнула любви Нуралина, она меня увлекала; я повиновалась богу Кама и исполняла велѣніе Вишну, а между тѣмъ Алаяръ страдалъ. Никогда не слышала я ни малѣйшаго отъ него упрека или выраженія неудовольствія и была спокойна. Только слова сказанныя имъ на прощанье открыли мнѣ глаза. Я стала подозрѣвать что есть какія-то иные чувства, и вотъ дошла я до того что сама себя не понимаю. Скажите, сэръ, а вы можете объяснить мнѣ какія это чувства? Алаяръ не говорилъ мнѣ о нихъ, сказалъ только нѣсколько словъ на прощанье, и я не поняла ихъ. А вы знаете, сэръ, эти чувства, вы ихъ ощущали?

— Вотъ именно этихъ-то чувствъ любви о которыхъ намекалъ вамъ Алаяръ я и искалъ бы въ васъ. Въ такомъ бракѣ какъ понималъ Алаяръ соединяются не только супруги, мужчина и женщина, но два человѣка, два друга идущіе рядомъ, рука объ руку, по тяжелому пути жизни. Алаяръ хотѣлъ чтобы вы дѣлали съ нимъ поровну все счастье и все горе жизни, чтобы вы были помощницей его во всѣхъ начинаніяхъ, трудахъ и мысляхъ, а не только красивою игрушкой. Онъ не нашелъ въ васъ этихъ чувствъ и понятій, вы не могли оцѣнить ихъ; а безъ нихъ, Анумати, нѣтъ счастья. Не вы виноваты, милая Анумати, что этихъ понятій вы не имѣли... Эти благородныя чувства даютъ такое счастье какого вы не испытали. Съ годами они усиливаются и дѣлаютъ людей счастливыми всю жизнь до глубокой старости. Вы понимаете меня, Анумати?

— Я понимаю, сэръ.

— Называйте меня просто Уыльямомъ, милая Анумати.

— Я понимаю, Уыльямъ, что цѣлый новый міръ иныхъ мыслей и чувствъ существуетъ внѣ того міра въ которомъ я жила, думала и чувствовала; но чтобы понять его надо было съ дѣтства не быть поклонницей Вишну и богини Сакти. Вотъ все что я поняла изъ вашихъ словъ, Уыльямъ; но теперь для меня уже поздно понимать все это.

— Вы такъ еще молоды, Анумати, можете поправиться...

— Полно, Уыльямъ, не надо заблуждаться; для меня уже все кончено; та сила которая оживляетъ меня чрезъ нѣсколько

часовъ покинетъ мое тѣло. Но я умираю не совсѣмъ; я оставляю дочь, мою милую, дорогую Наталику. Сердце мое обливается кровью когда я подумаю о ней. Что будетъ съ нею когда меня не станетъ? Бѣдная, милая дѣвочка моя, несчастная сиротка, что ожидаетъ ее? На моей родинѣ ее причислятъ къ презрѣннымъ паріямъ, изъ нея брамини сдѣлаютъ жрицу богини Сакти, баядерку, принадлежащую всѣмъ. Мнѣ страшно за нее, Уильямъ. Скажите же что дѣлать? Если вы любите меня, Уильямъ, скажите что дѣлать?

И несчастная умирающая мать, въ безлокойствѣ за дочь, пробовала подняться съ подушекъ, но силъ у нея не было. Слезы градомъ потекли изъ глазъ ея.

Плакалъ и Гибсонъ, плакалъ такъ какъ разказывали приятели объ его плачѣ. Слезы текли по щекамъ его сами собой, безо всякихъ другихъ явленій плача.

— Успокойтесь, сказалъ онъ наконецъ, подавивъ собственное волненіе.—Бога ради успокойтесь и за себя, и за Наталику, мы поговоримъ послѣ.

Съ крайнею осторожностью уложилъ онъ ее на подушкахъ и вышелъ на террасу. Было уже совершенно свѣтло, солнце показывалось на горизонтѣ. Въ тихомъ, прохладномъ воздухѣ далеко разносились звуки барабановъ бившихъ утреннюю зорю въ лагерь и въ крѣпости. Розовымъ свѣтомъ играли вдали снѣжныя вершины величественнаго Тянь-Шана; въ долинѣ былъ еще полусвѣтъ. Густые сады предмѣстій лежали еще темною полосой на степи, и въ нихъ миллионы птичьихъ голосовъ привѣтствовали восходъ солнца и начало новаго дня. Невольно сердце подымалось *горь* и мысль летѣла ко Господу.

Полная тишина царствовала во дворцѣ; повидимому всѣ спали. Только одна дверь на галлерей тихо отворилась и изъ нея вышелъ въ растегнутомъ кителѣ съ палироской въ зубахъ петербургскій экстренный курьеръ и беззаботно пошелъ вдоль галлерей. Позади его, въ двери оставленной отворенною видна была фигура въ синемъ коротенькомъ халатѣ и шароварахъ такого же цвѣта.

„Къ какому ученію и толку принадлежитъ этотъ?“ подумалъ Гибсонъ глядя на экстреннаго курьера. „Его отвергнетъ съ негодованіемъ даже богиня Сакти.“

Другая прислужница жестомъ позвала его въ комнату Ану-мати.

— Мнѣ теперь хорошо, сказала больная.—Сядите Уильямъ, или нѣтъ, засните вонъ тамъ на диванѣ. Мнѣ не спится,

а вы, я думаю, устали, уже день начинается. Или быть-можетъ вы желаете уйти къ себѣ? Стулайте, я терпѣливо подожду вашего возвращенія.

Но глаза Анумати говорили не то что говорилъ языкъ. Ей страшно было оставаться одной.

— Прежде всего надо принять лѣкарство, сказалъ Гибсонъ,—а потомъ выслушать меня и не волноваться.

Онъ далъ ей лѣкарство, потомъ сѣлъ близко, совѣмъ близко къ ней, на низенькій какъ скамья турецкій столикъ, взялъ ее маленькую бѣлую ручку и нѣжно прикоснулся къ ней губами.

— Вы, Анумати, единственная любовь моя въ жизни. Но теперь рѣчь идетъ уже не о нашемъ счастьи, а о судьбѣ невиннаго существа, дочери вашей Наталики. Когда вы выздоровѣете, продолжалъ Гибсонъ и почувствовалъ въ тотъ же моментъ что маленькая ручка дрогнула какъ пойманная птичка въ его рукѣ,—когда вы выздоровѣете, мы всѣ трое поѣдемъ въ Европу, не въ мой край, не въ Англію, гдѣ вамъ будетъ холодно и сыро, а въ другую, лучшую страну. Я буду вашимъ братомъ, Анумати, а маленькая Наталика будетъ дорогою, любимую моею племянницей. Тамъ я самъ буду руководить ея образованіемъ, ея воспитаніемъ, развитіемъ ума и сердца. Не могъ я сдѣлаться вашимъ мужемъ, такъ буду отцомъ вашей дочери, во всякомъ случаѣ Анумати, и даже еслибы васъ не стало. Отдайте ее любви моей. Въ Наталикѣ воскреснетъ для меня Анумати, и вся жизнь моя будетъ наполнена вами.

Гибсонъ сидѣлъ съ опущенными глазами, ему больно было видѣть слезы Анумати, а онъ чувствовалъ что она плачетъ. Вдругъ дрожавшая отъ волненія маленькая ручка сильно сжала и потянула его руку и къ ней прикоснулись губы Анумати. Гибсонъ вскочилъ какъ ужаленный, взглянулъ на дивные, заплаканные глаза, на руки протянутыя къ нему съ мольбой, на прелестныя черты ея лица, выражающія радость, счастье, благодарность и чувство чистое, полное уваженія, дружбы и спокойной увѣренности.

— Вотъ теперь я начинаю понимать и слова Алаяра, и ваши, прошелтала она,—теперь я знаю что значитъ любить...

Онъ наклонился къ лицу Анумати, руками взялъ ее голову, долго глядѣлъ въ спокойные глаза, которыхъ она не отводила, и наконецъ прижалъ губы свои ко лбу и къ волосамъ ея.

Величіе смерти, уже витающей надъ головой больной матери, отогнало отъ обоихъ всякую грѣховную мысль. Со слезами на глазахъ шелтала онъ ей:

— Любовь моя перейдетъ на дочь твою. Я отдамъ ей все помыслы мои и все сердце мое...

Къ вечеру, того же дня Анумати не стало. Она умерла на рукахъ доктора Рыбина, который плакалъ какъ ребенокъ, удивлялся равнодушію Гибсона и ругалъ войну невозможными словами.

На другое утро Уильямъ Гибсонъ воротился въ лагерь совершенно спокойный, заявилъ начальству о данномъ имъ вдовѣ Алаяра обѣщаніи взять на погребеніе свое дочь ея и о своемъ желаніи теперь же окрестить ее въ православную вѣру, такъ какъ никакого иного духовнаго лица, кромѣ русскаго священника, въ лагерь не имѣлось, а дѣвочка, по мнѣнію доктора Рыбина, опасно заболѣла нервными припадками. Этого желалъ и докторъ Рыбинъ, который былъ при Анумати въ послѣднія ея минуты, принималъ въ ней самое горячее, сердечное участіе и слышалъ отъ нея послѣднюю ея волю. А предъ смертью она изъявила желаніе чтобы сейчасъ же послѣ ея кончины дочь ея была окрещена въ христіанскую вѣру.

На другой же день Наталику окрестили; она стала *Наталья Васильевна Алаярова*.

Крестнымъ отцемъ былъ докторъ Рыбинъ, а крестною матерью жена маркиганта одного изъ Оренбургскихъ баталіоновъ, отставнаго того же баталіона барабанщика, Анна Ефимовна Лошкарева.

Наряжена была по просьбѣ мастера Гибсона особая коммиссія для описи имуществва Алаяра. Къ крайнему удивленію всей лагерной публики, въ сундукахъ найдены были билеты различныхъ европейскихъ банковыхъ учреждений на сумму 320.000 рублей, драгоценные камни, шали, ткани и тому подобное болѣе чѣмъ на сто тысячъ и бухарскою золотую монетою около 26.000 рублей.

О результатахъ описи донесено было въ Петербургъ и заявлено что взявшій новокрещеную дѣвочку Наталью Алаярову, шести лѣтъ, на свое погребеніе, англійской службы капитанъ Гибсонъ отказался отъ управленія оставшимся послѣ ея отда состояніемъ и просилъ возложить обязанности опекуна на доктора Рыбина, на что и поименованный Рыбинъ изъявилъ свое согласіе.